

Кузнецова И.Б., Мухарямова Л. М.

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**



Казань, 2014

Кузнецова И.Б., Мухарямова Л. М.

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ
В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**



КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

2014

УДК 316.613.432(470+571)

ББК 60.5

К 89

Печатается по решению Ученого совета Института сравнительных исследований модернизации обществ КФУ

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор, член-корр. РАН **Рязанцев С.В.**,

доктор философии **Д. Раунд**

Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М.

Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан)/ И.Б. Кузнецова, Л.М. Мухарямова –
Казань: Казан. ун-т, 2014. – 164 с.

Монография посвящена рассмотрению социальной интеграции мигрантов в принимающее российское общество. На основе анализа проведенных в Республике Татарстан социологических исследований авторы анализируют трансформацию региональной миграционной политики и репрезентацию мигрантов в средствах массовой информации, раскрывают характеристики социального капитала трудовых мигрантов, особенности их трудоустройства и профессиональной деятельности. Значительное место в монографии занимают результаты анализа доступности социальных услуг для мигрантов и членов их семей.

ISBN 987-5-00019-247-4

Подготовлено при поддержке гранта Российского гуманитарного фонда 12-03-00659 «Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности: социологические аспекты»

УДК 316.613.432(470+571)

ББК 60.5

© *Кузнецова И.Б., 2014*

© *Мухарямова Л.М., 2014*

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|---|-----|
| Введение..... | 4 |
| 1. Особенности миграционной политики Республики Татарстан | 8 |
| 2. Социальный портрет мигранта | 29 |
| 3. Трудовой мигрант на рабочем месте: особенности трудоустройства и профессиональной деятельности | 47 |
| 4. Доступность образования для трудовых мигрантов | 60 |
| 5. Капитал здоровья мигрантов и доступность медицинских услуг | 104 |
| 6. Репрезентация мигрантов в СМИ Татарстана | 141 |
| Заключение | 161 |

ВВЕДЕНИЕ

Начало внедрения Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве отдельной задачи, выделяющей «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом», создаёт особый контекст ожидания социологической информации, связанной с необходимостью углубления знания о повседневности и проблемах трудовых мигрантов.

Увеличивающееся этно-религиозное многообразие в связи с распространением мигрантских сообществ – явление, неотъемлемое для всех развитых стран мира. Республика Татарстан выступает примером региона с ростом внешней миграции из государств ближнего зарубежья. По сравнению с 2011 годом численность иностранных работников в целом по всем видам экономической деятельности увеличилась на 68%, что связано с проведением в Республике Татарстан XXVII всемирной летней Универсиады-2013. Численность иностранных работников, имеющих разрешение на работу по состоянию на 1 января 2013 года, составляла 21672 человека, что более чем в 1,5 раза больше, чем в 2011 году. Причинами роста выступила как потребность в большом количестве рабочих для строительства объектов спортивного мега-события Универсиады-2013 в Казани, так и общей стратегией социально-экономического развития республики на создание новых современных производств. Важнейшими являются проект по строительству Иннополиса – нового умного города, в который

предполагается привлечь сотни высококвалифицированных специалистов, продолжается строительство комплекса нефтеперерабатывающих заводов в г. Нижнекамске, комплекса по производству аммиака, метанола и карбамида в г. Менделеевске.

Всероссийские и локальные опросы общественного мнения свидетельствуют о низкой степени толерантности населения в отношении мигрантов, в особенности из стран Средней Азии. Использование мигрантов на «сером рынке» труда создаёт угрозы для безопасности не только для самих мигрантов, но и для социального потенциала региона в целом. Плохое владение русским языком, незнание традиций региона, отсутствие вовлечённости в местные социальные сети выступают негативными условиями социализации детей мигрантов. Чем выше уровень адаптации мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов и, наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации вынужденных мигрантов, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряжённость. Постоянное внимание к социальному самочувствию, особенностям жизни трудовых мигрантов в регионе – важный ключ к созданию адекватных шагов по их интеграции в социум. Этой цели и служило исследование, результаты которого легли в основу данной монографии. Задача проекта заключалась в оценке адаптации и влияния роли социального и человеческого капитала мигрантов в социальном потенциале принимающего региона, степени социальной

интеграции мигрантов, что позволило сформулировать следующие основные вопросы исследования:

- Каковы противоречия существующей системы контроля использования мигрантов на официальном и «сером» рынке труда? Каковы повседневные практики включения мигрантов в трудовые отношения?

- Что способствует локализации социальных сетей и что может повлиять на их расширение? Насколько общины способствуют адаптации мигрантов в принимающем регионе? Каковы поддерживающие социальные сети мигрантов?

- Насколько доступно образование для мигрантов и их детей? Насколько востребован работодателями символический капитал трудовых мигрантов (их знания, навыки, образование), насколько они способны использовать все свои профессиональные возможности, работая в России?

- Каковы перспективы формирования системы медицинского обслуживания и эффективной социальной политики в целом для решения проблем мигрантов?

- Каковы особенности миграционной политики и медиа-дискурса в Республике Татарстан?

- В чём заключаются потенциальные угрозы миграции для социальной безопасности?

В рамках проекта были использованы несколько видов сбора и анализа данных:

1) полуструктурированные экспертные интервью с представителями УФМС по Республике Татарстан в Казани и ряде

районов республики, Центра занятости населения Казани, МВД РТ, Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ, Минздрава РТ и т.д.;

2) полуструктурированные интервью с работодателями мигрантов;

3) полуструктурированные интервью с активистами национально-культурных автономий, сотрудниками Ассамблеи народов Татарстана;

4) полуструктурированные интервью с медицинскими работниками, сотрудниками организаций образования;

5) полуструктурированные интервью с трудовыми мигрантами;

6) анализ документов УФМС, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, министерств и ведомств РТ;

7) опрос трудовых мигрантов (n=339);

8) дискурс-анализ прессы РТ с мая 2008 по август 2013 года.

Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам УФМС России в Республике Татарстан, руководству Ассамблеи народов Татарстана, руководству Республиканского медицинского информационно-аналитического центра, лидерам культурно-национальных автономий, иностранным работникам за заинтересованное участие в исследовании.

1. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Факторы миграционной политики

Миграционная политика Республики Татарстан определяется несколькими обстоятельствами. Главным из них является направленность стратегии социально-экономического развития республики на создание новых современных производств. Важнейшими являются проект по строительству Иннополиса – нового умного города, в который предполагается привлечь сотни высококвалифицированных специалистов, продолжается строительство комплекса нефтеперерабатывающих заводов в г. Нижнекамске, комплекса по производству аммиака, метанола и карбамида в г. Менделеевске. Мега-проектами ранее были празднование тысячелетия Казани (2005) и Всемирная студенческая универсиада (2013). Реализация таких проектов требовала и требует достаточно больших новых трудовых ресурсов. Официальные прогнозы при этом не предсказывают естественного прироста населения [1].

А.В. Топилин, О.А. Парфенцева, исследовав региональные рынки труда на фоне кризиса 2008 года, отнесли Татарстан к типу региона с критической ситуацией на рынке труда, осложняемой дополнительной нагрузкой мигрантов [12]. Опираясь исключительно на официальные источники, трудно поставить под сомнение такой вывод. Однако в экспертном сообществе есть мнение, что в кризисные годы, рассчитывая на получение дополнительных

финансовых средств на поддержку рынка труда, республиканские власти немного ухудшили статистические показатели.

По данным Министерства труда, занятости и социальной защиты населения РТ в 2014 году в Татарстане сохраняется сравнительно низкий уровень безработицы – 0,78% (на 1.07.2014 г.). На более чем 2 миллиона 42 тысячи экономически активного населения приходится немногим меньше 16 тысяч зарегистрированных безработных. Коэффициент напряженности на рынке труда условно составляет 0,34 человека на одну вакансию. А уровень безработицы в Казани, по подсчётам городского Центра занятости населения, неуклонно продолжает падать. Если на начало 2013 года статус безработного имели 5329 человек – 0,85% трудоспособного населения, то на 1 октября зарегистрированных в Центре безработных стало 3802 человека – 0,62%. В структуре безработных преобладают женщины 61,4%, молодёжь – в пределах 21%, около 12% – граждан предпенсионного возраста, доля граждан, относящихся к категории инвалидов, – 15,4%. Территориальное несоответствие спроса и предложения рабочей силы не преодолено – большая часть вакансий имеется в г. Казани, а основная часть безработных зарегистрирована в других городах и районах республики.

Таким образом, в республике практически нет дополнительных трудовых ресурсов для реализации мега-проектов.

Другим важным фактором, влияющим на политику республики в отношении миграции, являются угрозы, которые так или иначе

связывают с инокультурными мигрантами, нарушения межконфессионального и межэтнического мира в республике, усилившаяся мигрантофобия. В условиях «миграционной революции» приверженность ценностям традиционного этнического разнообразия уходят на второй план, новое многообразие, вызванное трудовой миграцией, разрушает привычные схемы и модели интеграции [7]. Некоторые исследователи полагают, что мигрантофобия в значительной степени сконструирована. Известный политолог Э. Паин пишет, что представители власти в период предвыборных кампаний делают ставку на ксенофобию и национализм, рассчитывая получить политические дивиденды от мигрантофобии [9].

Для Татарстана угрозы этнокультурных и межрелигиозных конфликтов стали неожиданностью. Считалось, что в регионе, где столетиями мирно сосуществуют ислам и христианство, появление ещё какого-то количества людей, практикующих ислам, не вызовет проблем. Особую тревогу вызывает проникновение в Татарстан нетрадиционного для татарского народа ислама, «исламизация преступных группировок», угроза терроризма. Доказательств того, что эти негативные процессы стали возможны по причине увеличения трудовых мигрантов из Средней Азии, нет (большинство экспертов считают, что проводниками радикального ислама стали российские граждане, обучавшиеся в зарубежных странах), однако в такой ситуации рост мусульманского населения в принципе рассматривается как имеющий потенциальную опасность.

На миграционную политику влияет острота восприятия в общественном сознании россиян преступлений, совершённых мигрантами. После убийства гражданином Узбекистана школьницы Василисы Галициной в Набережных Челнах Президент Татарстана Р. Минниханов поручил ужесточить контроль за постановкой иностранных граждан на миграционный учёт, привлечь к этому местные власти, участковых уполномоченных, общественность. После конфликтов мигрантов и местного населения в нескольких районах республики (деревня Шумково Рыбнослободского района, Курманаево Нурлатского района, ряд деревень Высокогорского района) власти потребовали от руководителей администраций районов следить за расселением мигрантов с тем, чтобы не допускать создания этнических анклавов.

Татарстан решил выйти с законодательной инициативой в Госдуму РФ по вопросу ужесточения миграционной политики. Изменения, по мнению экспертов, должны коснуться миграционного законодательства в части повышения ответственности, вплоть до уголовной, должностных лиц и работодателей за незаконное использование труда мигрантов. Также предлагается внести норму о получении разрешения на временное проживание только на основании представления действующего трудового договора. Справедливости ради отметим, что, по данным УФМС России по Республике Татарстан, на долю иностранных граждан приходится 1% от всех совершённых в республике преступлений. Фактически в группе мигрантов правонарушений больше (по состоянию на 1 января 2013 года, в Татарстане количество иностранных граждан,

постоянно и временно проживающих, составило 21672 тыс. человек или 0,6% от общей численности населения республики), но вряд ли они могут серьёзно повлиять на криминогенную ситуацию. В других регионах ситуация сложнее, в Москве, например, в 2014 году констатировали увеличение преступлений, совершённых иностранными гражданами, на 36%[5].

Вместе с тем важно обратить внимание на то, что по результатам международных исследований связь между увеличением трудовой миграции и ростом преступности является неоднозначной. В таких странах как США, Канада, Австралия иммиграция согласно данным статистики чаще снижает или существенно не изменяет уровень преступности. Такая же ситуация в ряде стран ЕС, например, в Великобритании и Ирландии [3]. Очевидно, что причиной роста преступности является не миграция как таковая, а конкретные ее модели.

В этой ситуации Татарстан стремится развивать внутреннюю миграцию с целью привлечения в республику российских граждан из других регионов страны. Министерством труда, занятости и социальной защиты Татарстана заключены договоры о сотрудничестве с аналогичными ведомствами других субъектов федерации. По нашим данным, в 2013 году действуют 12 таких договоров, согласно которым стороны предоставляют сведения о вакансиях, заявленных работодателями, информируют о направлении и трудоустройстве российских работников. Однако мобильность россиян остаётся низкой: за январь-июнь 2013 года, например, граждан, желающих переехать в другую местность для замещения

рабочих мест, на которые предполагается привлечение иностранных работников, не было.

Привлечение трудовых мигрантов из зарубежных стран, таким образом, остаётся важным фактором экономического роста. Как отмечают специалисты, международная миграция для России имеет такое значение, какого она не имела никогда прежде [6]. Это суждение вполне справедливо и для Татарстана.

Ориентир на высококвалифицированных работников

Снизить возможные негативные последствия трудовой миграции в республику власти планируют, в том числе, за счёт повышения «качества» миграции, развития интеллектуальной миграции, увеличения высококвалифицированных иностранных специалистов. Согласно законодательству, высококвалифицированный иностранный специалист – иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения) в размере двух и более миллионов рублей за период, не превышающий одного года. Федеральный закон предусматривает, что разрешение на работу высококвалифицированным специалистам выдаётся на срок действия трудового или гражданско-правового договора с пригласившими их работодателями, но не более чем на 3 года.

Этот срок может быть неоднократно продлён на срок действия трудового договора, но не более чем на 3 года для каждого такого

продления. Данной категории иностранных граждан разрешения на работу оформляет ФМС России. Высококвалифицированным иностранным специалистам и членам их семей выдаются многократные рабочие визы, что освобождает их от оформления виз при каждом въезде в страну. Ставка подоходного налога для высококвалифицированных специалистов, работающих в России, составляет 13% с первого дня работы в России, в отличие от остальных категорий мигрантов, работающих в России, для которых ставка подоходного налога в первые полгода работы в стране составляет 30%.

Преференции для работодателей, привлекающих высококвалифицированных специалистов, заключаются в том, что они освобождаются от необходимости получения разрешения на привлечение и использование высококвалифицированных иностранных работников и не обязаны участвовать в заявительной квотной кампании, поскольку высококвалифицированные мигранты трудоустраиваются в России вне квоты.

В 2012 году в УФМС России по Республике Татарстан выданы разрешения на работу 21 высококвалифицированному иностранному специалисту (в 2011 году – 11). Конечно, эта цифра пока очень мала. Но политика республики заключается в стремлении увеличивать именно высококвалифицированную часть иностранных работников, даже тогда, когда они формальным критериям законодательства (зарплата более 2 млн. рублей) не соответствуют. Фактором таких изменений является создание современных производств. Начальник отдела УФМС России по РТ в Елабужском районе в интервью сказал:

«Если в целом по России, в целом по Республике Татарстан у любого гражданина, чиновника, сотрудника можно спросить, откуда к нам больше всего приезжают, то все скажут, что это Узбекистан. На первом месте в России везде стоит Узбекистан. На втором месте уже идут кавказцы: Армения, Азербайджан. Последнее время, года два-три назад увеличился поток из Киргизии из-за того, что у них там события были ... ну и Казахстан также в числе лидеров. У нас в Елабуге на первом месте – граждане Германии. Например, в прошлом году их к нам приехало больше, чем узбеков, потому что у нас действительно особая экономическая зона, которая действительно промышленная, на ней достаточно привлекательные условия для создания различных предприятий. Сотрудники особой зоны в этом плане действительно очень хорошо работают, ищут контакты по всему миру и сейчас уже дошло до того, что зоны на всех не хватает, и сейчас уже будут её увеличивать по территории, земли вокруг будут расширять»¹.

Однако Татарстан, как и Россия в целом, пока не может конкурировать с мировыми центрами, такими как Европа и Америка, на которые ориентируется наиболее квалифицированная часть мигрантов [1].

Международная интеллектуальная миграция, как называют привлечение высококвалифицированных кадров, по мнению некоторых авторов, включает в себя и приток молодёжи в образовательные организации [1]. Студенты являются другой

¹ Во всех интервью сохранена стилистика респондентов.

специфической группой мигрантов, они составляют 3% от общего числа мигрантов. В образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования республики в 2012 году обучалось 3 171 иностранный гражданин, в том числе граждан Туркменистана – 1080, Китая – 238, Индии – 174, Узбекистана – 155, Казахстана – 141, Таджикистана – 128, Ирана – 102 и др. Однако законодательство России не даёт никаких преференций при трудоустройстве для выпускников российских вузов из числа иностранных граждан. Сотрудник Министерства труда, занятости и социальной защиты населения сказал в интервью: *«Вот те же Штаты, они же обучают из разных стран... Образовательная миграция считается одним из важных миграционных потоков, которая относится к переселенческим миграциям и как бы ближе не к временной трудовой миграции... Человек, если учится в этой стране, он уже присматривается к этой стране, если он видит там более высокие достижения, уровень жизни хороший, ещё что-то, зарплата, которая ему предстоит, опять-таки терпимость в отношении национальных, религиозных различий. Он легче останется здесь, теперь уже какие-то связи, друзья здесь, семья здесь появляется, то есть образовательную миграцию можно было бы воспринимать».*

Официальная статистика

Приоритеты миграционной политики и требование ужесточить миграционный контроль отражаются и в данных официальной статистики. Несмотря на то, что в Татарстане самая высокая в

Приволжском федеральном округе квота на привлечение иностранной рабочей силы, она постепенно сокращается,

Динамика объёмов установленных квот в Республике Татарстан (рис. 1) имеет тенденцию к снижению. В 2007 году, когда происходил процесс легализации трудовых мигрантов, для Республики Татарстан была установлена квота в количестве 68,7 тыс. разрешений на работу для иностранных работников. На 2009 год была установленная квота в количестве 52,3 тыс. разрешений на работу (в конце года была сокращена до 38 тыс. чел.). На 2010 год квота утверждена в объёме 29,9 тыс. иностранных работников, на 2011 – в объёме 27,1 тыс., на 2012 – 26,4 тыс., на 2013 – 23,5 (по данным Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ).

На практике привлекают иностранную рабочую силу менее 1% работодателей. Во-первых, как отмечают руководители организаций, процедура привлечения иностранных работников требует постоянного изучения часто меняющейся нормативной базы и соответственно её выполнения. *«Надо специального человека содержать, чтобы он постоянно и вовремя предоставлял все справки, отчёты. Если учесть, что иностранный работник, который имеет квалификацию, что-то умеет делать хорошо, сейчас требует ту же зарплату, что наш, обходится себе дороже»* (интервью с руководителем строительной фирмы).



Рис. 1. Динамика квоты на привлечение иностранной рабочей силы.

Во-вторых, требуются финансовые затраты работодателей на привлечение – за подбор кадров соответствующим агентствам, транспортные расходы, как говорят эксперты, на практике это обходится в среднем в 30 тыс. рублей за каждого работника. За привлечение работников из дальнего зарубежья работодатель платит госпошину в размере 6,0 тысяч рублей за каждого работника.

Фактическая численность иностранных работников при этом увеличивается. По сравнению с 2011 годом численность иностранных работников в целом по всем видам экономической деятельности увеличилась на 68%, что связано с проведением в Республике Татарстан XXVII всемирной летней Универсиады-2013. Численность иностранных работников, имеющих разрешение на работу, по состоянию на 1 января 2013 года составляла 21672 человека, что более чем в 1,5 раза больше, чем в 2011 году. Такое увеличение

происходит за счёт исполнения объёма квот. По словам сотрудников Министерства труда, социальной защиты и занятости, *«если в 2011 году квоты были выбраны на 40%, то в 2012 году – на 60%. То есть при сокращении предельного числа иностранных работников или квот, увеличивается количество мигрантов»*. Такое положение, по мнению специалистов, является результатом сложной системы определения и утверждения квот. С момента подачи заявки на квоту и до её утверждения Правительством Российской Федерации проходит около 8 месяцев. Часть квот к моменту утверждения в силу разных причин, например, банкротство предприятия, ликвидация, смена собственника и т.д.) переходят в разряд невостребованных. Экономика развивается быстрее, чем работает государственная машина.

Перераспределение утверждённых квот не только по работодателям, но и по видам экономической деятельности, как утверждают эксперты в Татарстане, органами исполнительной власти субъектов не допускается. В результате, квоты остаются не исчерпанными. Подготовка решения о дополнительном квотировании проходит почти такие же длительные процедуры, как и первоначального.

Увеличение численности привлекаемых иностранных работников наблюдается по всем видам экономической деятельности, кроме сферы образования. Наибольший рост наблюдался в отраслях транспорта и связи (63%), прочих услуг (57%), строительства (53%) [8].

Вместе с тем, фактическая численность привлечённых иностранных работников была ниже потребности на 6,1 тыс. человек. Так, численность получивших разрешения на работу иностранных работников в 2012 году в Республике Татарстан составила 20,2 тыс. чел., а потребность работодателей (по заявкам) составляла на 2012 год 26,3 тыс. чел. Доля иностранных работников в общей численности занятых в 2012 году составила 1,1%.

На 2014 год поступили заявки от 456 работодателей на 76452 иностранных работника. Из всех иностранных работников 72% планируются к привлечению в строительство, 9% – операции с недвижимым имуществом, 4,6% – в торговлю, общепит, гостиничный бизнес, 4,3% – в Сфере промышленности, 4,1% – в транспорт, 0,7% – в сельское хозяйство, 4,3% – в промышленность (рис. 2).



Рис. 2. Распределение заявок на привлечение иностранных рабочих по видам экономической деятельности в Республике Татарстан на 2014 год.

В числе планируемых к привлечению иностранных работников преобладают мигранты из 7 стран с безвизовым порядком въезда – 41051 человек. 35401 чел. планируется из 53 стран дальнего зарубежья. Среди стран ближнего зарубежья 53,5% работников привлекается из Узбекистана, среди дальнего зарубежья – 65% граждане Турции (рис. 3, 4).

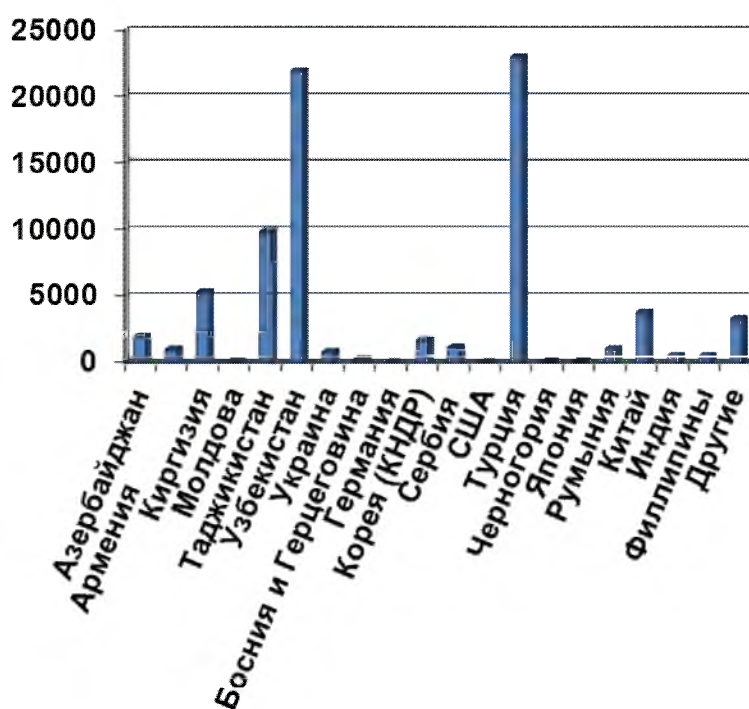


Рис. 3. Заявленная работодателями потребность на 2014 год в ИР по странам происхождения, чел.



Рис. 4. Заявленная работодателями потребность в ИР по странам происхождения среди невизовых стран, чел.

Межведомственной комиссией по вопросам привлечения и использования иностранных работников заявки работодателей сильно сокращены и, как нам сказали эксперты, в федеральный центр отправлена заявка на квоту всего на 8378 человек. По мнению специалистов, *«у нас всегда 20 с лишним (тысяч иностранных работников) было, меньше не было квот... это будет очень резкое снижение квоты. Но пока правительство пошло на такой шаг, потому что закрылись все объекты Универсиады. Оставляют в приоритете только инвестиционные проекты... Если всегда у нас иммигранты приезжали в Казань, то, начиная с 14 года, все работодатели, которые получили квоты, они в основном не в Казани. Это в Нижнекамске вторая очередь Танэко, туда приезжает несколько тысяч человек, практически чуть ли не половина всей квоты, потом достраивается в Менделеевске комплекс мероприятий азотоперерабатывающего завода на базе аммония, туда*

приезжают ну уже который год китайцы, японцы... И третий у нас инвестиционный проект – это строительство заводов в субэкономической зоне Елабуга... Вот на эти инвестиционные проекты будут люди приниматься. Остальные, практически, копейки» (интервью со специалистом Министерства труда, занятости и социальной защиты).

Такое же сокращение заявок было в 2013 году и, таким образом, можно констатировать, что особенностями квотной компании последних лет является её сокращение, во-первых, изменение её структуры, во-вторых. Республика стремится заменить мигрантов из стран с безвизовым порядком на иностранных работников из дальнего зарубежья, предлагаемая структура квоты на 2014 год на 84,5% ориентирована на представителей дальнего зарубежья.

С чем связаны такие изменения? Трудовые мигранты из безвизовых стран чаще встречаются с нарушением их прав, чаще переходят в нелегальный режим. Исследование, проведённое в Татарстане, полностью подтверждает вывод, сделанный на основе анализа ситуации в других регионах: «Работодатели по-прежнему выступают главными инициаторами и организаторами нелегальной трудовой миграции в страну» [3]. Рассказывая о нарушениях, которые работодатели позволяют по отношению к мигрантам из стран СНГ, специалист отдела УФМС в Менделеевском районе констатирует: *«Большинство крупных предпринимателей в нашем районе законно оформлять иностранную рабочую силу не желает. Конечно, это может быть не большой секрет, ... но легче принять бригаду неофициально, летом они работают и договариваются по оплате*

нелегально. И работодателям отчисления делать не надо, но в таком случае они увеличивают работу федеральной миграционной службы... и идёт не давление, но звонки часто поступают от вышестоящего руководства, не от нашего, конечно, а от районного руководства. Не с угрозами, а с просьбой. Но в каждой просьбе есть нотки давления. Это самый больной вопрос, конечно, и для иностранных граждан, и для федеральной миграционной службы».

Анализ интервью со специалистами УФМС показывает, что иностранные работники из стран дальнего зарубежья – это «другие» мигранты. Они отличаются не только по своим квалификационным, образовательным характеристикам. И местные власти, и работодатели к ним относятся по-другому, как к «настоящим» иностранцам. Рассказывая о нарушениях, которые работодатели позволяют по отношению к мигрантам из стран СНГ, специалист отдела УФМС в Менделеевском районе отмечает: *«Когда вникаешь в систему оплаты, там – грубейшие нарушения со стороны работодателей... Конечно, с дальним зарубежьем такого не бывало. Сейчас вот у нас граждане Турции, Китая, Японии, и они все официально въехали, с ними таких проблем нет. Но вот ближнее зарубежье мне жалко..., в основном, виноват наш работодатель».*

За 10 месяцев 2013 года на миграционный учёт в Татарстане поставлено 139 117 иностранных граждан и лиц без гражданства, оформлено 1 924 разрешений на временное проживание в Российской Федерации, 5 938 виз, 1 679 видов на жительство, 13 417 разрешений на работу и 16 773 патента. Разрешения на работу оформлены

представителям 43 стран: наибольшее число – 42,7% – гражданам Узбекистана, за ними идут китайцы – 12,8%.

Об усилении контроля за соблюдением законодательства говорят следующие факты: за 8 месяцев 2013-го выявлено 18189 административных правонарушений по линии миграционного учёта, в прошлом году их было 14292. С начала 2013 года предписание об административном выдворении из страны получили 1197 иностранных гражданина, в 2012 году таких насчитывалось 315. Фактически выдворены из страны в 2012 году – 292 человека, а в 2013 году уже 1192 иностранных гражданина. Направлено представлений о закрытии въезда в 2012 году на 1047 человек, а в 2013 году уже на 3228. Таким образом, осознание угроз, которые может нести неконтролируемая миграция, даже при сохранении высокой потребности экономики республики в трудовых ресурсах заставили власти ужесточить требования к соблюдению законодательства в этой сфере.

В этих условиях вполне вероятно, что Татарстан снова обратится к разработке программы по переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Проект такой программы (Программа Республики Татарстан по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом на 2008 – 2012 годы) в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» был разработан ещё в 2008 году. Проект

программы предлагал 2 территории вселения – Казань и Елабуга. Территории определялись путём запроса потребности и возможности обустройства муниципальных районов, отраслевых министерств и крупных предприятий республики.

Федеральные документы предполагают различное участие федерального бюджета в реализации программы в зависимости от состояния региональных рынков труда, демографической ситуации в целом. Преференции участников программы – субъектов федерации – изначально устанавливались различными в зависимости от категории территорий вселения, устанавливаемой в зависимости от глубины демографических проблем и дефицита трудовых ресурсов. В условиях экономического кризиса, когда Татарстан был отнесён к типу региона с критической ситуацией на рынке труда, осложняемой дополнительной нагрузкой мигрантов, выполнение программы для республики не представлялось возможным. В случае реализации программы федеральное законодательство предусматривает, что полностью все мероприятия по приёму и обустройству соотечественников должны осуществляться за счёт республиканского или местных бюджетов. Реальные расходы должны быть предусмотрены на жилищное обустройство, социальное и медицинское обеспечение соотечественников и членов их семей (включая содержание детей в школах и детских садах). Министерством регионального развития Российской Федерации было признано, что территории вселения в пределах Татарстана (Казань и Елабуга) не могут быть отнесены ни к одной из категорий территорий

вселения по установленным критериям для получения федеральных средств в связи с ростом численности населения.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2010 года № 1259-р Татарстану и некоторым другим регионам (Республика Башкортостан, город Санкт-Петербург, Вологодская область, Ульяновская область) предоставлена отсрочка дальнейшей разработки Программы.

В настоящее время приезжающие в Татарстан самостоятельно решают организационные, жилищные и иные вопросы, а принятие программы обяжет республику решать эти вопросы. В условиях усиления мигрантофобии, возможно, будут пересмотрены приоритеты от быстрой экономической отдачи к долговременному эффекту развития.

Список использованных источников

1. Бондар М. Международная интеллектуальная миграция в экономике знаний / М. Бондар // *Economics and Management*. – 2013. – № 2. – С. 52–69.
2. Вишневский А. Г. О рождаемости, смертности, прогнозах и миграции / А. Г. Вишневский // *Журнал новой экономической*. – 2011. – № 9. – С. 174–176
3. Голунов С. Этническая миграция и преступность // *Pro et Contra* 2014. Январь-апрель. 84-95 с.
4. Дмитриев А. В. Государство, принимающий социум, трудовые мигранты: конфликтное измерение практик взаимодействия / А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов // *Политические исследования*. – 2009. – № 6. – С. 95–104.

5. Егоров И. Гостевая преступность. Каждое пятое преступление в Москве совершают мигранты // Российская газета. – 6 февраля 2014 .

6. Ионцев В. Аналитический доклад по проекту на тему: Роль международной трудовой миграции для экономического развития России: научно-исследовательский отчет 2012/28 [Электронный ресурс] / В. Ионцев, И. Ивахнюк. – Режим доступа: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RU-28.pdf>, свободный.

7. Ларюэль М. Русский национализм как область научных исследований // Pro et Contra 2014. Январь-апрель. 54-68 с.

8. Оценка эффективности иностранной рабочей силы в Республике Татарстан. 2012 / Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. – Казань, 2013.

9. Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra 2014. Январь-апрель. 34-53 с.

10. Рыбаковский Л. Л. Трудовые мигранты и их вклад в пополнение трудового потенциала России / Л. Л. Рыбаковский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 47–55.

11. Рязанцев С. Трудовая миграция в России в условиях интеграции в ЕврАзЭС / С. Рязанцев // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 71–83.

12. Топилин А.В. Миграция и рынок в условиях кризиса / А.В. Топилин, О.А. Парфенцева. – Москва: МАКС Пресс, 2009.– 64 с.

13. Тюрюканова Е. В. Стратегия социальной интеграции трудящихся мигрантов [Электронный ресурс] / Е.В. Тюрюканова,

Ю. Ф. Флоринская, Н. И. Ажгихина. – Режим доступа: http://www.ruj.ru/_projects/the-strategy-of-social-integration-of-migrant-workers-.php, свободный.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МИГРАНТА

Профили трудового мигранта

Массовая трудовая миграция в Татарстан имеет те же черты, что и в целом по стране. В середине и в конце прошлого века значительный поток мигрантов состоял из этнических татар и русских. Политика республики по привлечению соотечественников казалась вполне успешной. Специалист УФМС в интервью об этом рассказывал: *«В 2000-е годы поток иностранных граждан, в основном, это было русскоязычное население, пошёл из Средней Азии, особенно много из Республики Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан... Оттуда начали уезжать лучшие кадры, и нам это было на руку, конечно, и это было всё русскоязычное население... Это были не узбеки, не казахи, а те, у кого родители когда-то уезжали туда на стройки, на целину, сейчас это все очень хорошие специалисты. Приехали – мы их всех принимали с удовольствием... Они, естественно, приезжали с определённой денежной суммой, покупали жильё, тогда ипотеки не было... Естественно, им руководители больших предприятий, вот у нас градообразующее предприятие – это Менделеевский азотхимзавод им. Карпова – давали малосемейки. Конечно, тогда мы получили большой приток населения в Менделеевске конкретно, получили очень хороших*

специалистов. То есть очень мало ехало пенсионеров, но ехали специалисты – инженеры, учителя, то есть те, кто был востребован». (Интервью с начальником УФМС в Менделеевском районе РТ).

В конце 1990-х – начале 2000-х годов ситуация кардинально изменилась. Вынужденная миграция постепенно сменилась масштабной трудовой миграцией. Как указывают эксперты, процессы деиндустриализации и усиление аграрной направленности экономики, снижение образовательного уровня населения, значительные масштабы бедности, «экстраполируются» на мигрантов, меняя общую картину миграции в регионе и увеличивая и так значительный разрыв между странами отправки и приёма [6].

В выборку нашего исследования попали 33,6% граждан Узбекистана, 23,6% граждан Таджикистана, из Азербайджана приехали 13,3% респондентов, 9,4% граждан Украины, по 5% приехавшие из Кыргызстана и Казахстана, 4,4% – из Армении, 1,8% – из Грузии, 1,5% – из Молдовы. 2,1% представляют другие страны.

По наблюдениям активистов национальных диаспор, в последние годы увеличение миграционного потока из стран СНГ даёт только Узбекистан. *«Увеличение трудовых мигрантов около +12%, например. Идёт расклад по этническим группам, – говорит директор Центра социально-правовой помощи мигрантам М.Б. Ходжиев, – значит, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Азербайджан минус. Там по всем группам идёт минус и только потому, что большой прирост пошёл по узбекам, они дали общий процент +12. Трудовой ресурс этих регионов тоже ведь иссякает, и он*

перенаправляется. Более того, есть страны, которые богаче, заработки выше, Арабские Эмираты, страны Ближнего Востока. Мигрантам проще туда уехать и там зарабатывать. Поэтому в перспективе через 5- 6 лет у нас мигрантов уже будет не хватать».

В нашем исследовании самой многочисленной оказалась группа иностранных работников в возрасте 25-39 лет: их 51,6% от общего количества опрошенных. В возрастной группе 40-54 года – 28,6% респондентов, 14,7% – молодые люди до 25 лет и лишь 5% – старше 56. Таким образом, можно констатировать, что основная масса иностранных работников, прибывающих в страну, находится в самом трудоспособном возрасте, когда накоплен какой-то опыт, освоены определённые социальные роли, как правило, ещё достаточно крепкое здоровье и высокая трудоспособность.

Проведённое исследование подтверждает отмеченную в ряде российских исследований тенденцию: миграция в страну имеет сетевой характер. Люди переезжают родственными, соседскими группами, рассчитывая на взаимопомощь, поддержку. Иногда при анализе сетей большое внимание уделяется этничности, результаты других исследований показывают, что в реальной жизни, в реальном бизнесе помогают и доверяют друг другу не “co-ethnics”, а мигранты, часто принадлежащие к различным этническим группам, помогают друг другу “друзья”, “коллеги”, “соседи” и т.п. [7].

Специалист УФМС в Актанышском районе РТ: *«Они уже едут к знакомым. На территории Актанышского района есть те, кто уже издавна приехал сюда, остался жить, принял гражданство РФ*

и т.д. Есть наши соотечественники, которые когда-то уезжали, или их родители, а потом их дети вернулись сюда, а есть и иностранные граждане, такие как армяне, узбеки, казахи, которые уже здесь освоились, тоже переехав. И вот они в один год привозят сюда 1-2 своих соотечественников, ставят на регистрацию. Есть те, кто через длительное время потом ездит домой навестить своих родных и обратно возвращается. Есть, например, брат, который приезжает, потом в следующий свой проезд он привозит уже своего братишку или сестрёнку, есть и такие». Такую же практику подтверждают лидеры национальных диаспор: «... Каждого, кто приезжает, приглашают его родственники или кто-то другой. Вот так, чтобы приехать просто одному – такого ещё, наверное, нет, приезжают именно к кому-то, по телефону или по слухам узнают. Если к нам кто-то обращается, чтобы помочь с регистрацией или найти работу, мы ему предложим тех, к кому обращаться можно» (председатель НКА таджиков).

Почти треть мигрантов (32,6%) приехала в Россию в первый раз, второй и третий раз приехали по 15% опрошенных, четвёртый и пятый – около 10%, почти каждый пятый опрошенный приезжает шестой и более раз (18,8%). В Татарстан 45% опрошенных прибыли впервые. Приехавших во второй и третий раз 17,2 и 16,3% соответственно, каждый десятый иностранный работник приехал в республику в шестой и более раз.

Самая большая часть мигрантов – почти 37% – находится в Татарстане от года до трёх лет. 17,7% иностранных работников на момент опроса были в республике от месяца до полугода, в интервале

от 7 месяцев до года пребывания – 15,4% мигрантов. Среди опрошенных оказалась значительная доля тех, кто довольно долгое время живёт и работает в Татарстане: 18,5% – от 3 до 8 лет, 8,5% – более 8 лет. В некоторых исследованиях была отмечена прямая зависимость социально-экономического статуса мигрантов от длительности пребывания: чем дольше иностранный работник находится в стране, тем больше он зарабатывает и тем увереннее себя чувствует. Наше исследование подтвердило эту тенденцию [6].

Все чаще мигранты приезжают с семьёй. По данным выборочных обследований Центра миграционных исследований, около 10-15% мигрантов приезжают с детьми. Сегодня трудовыми мигрантами могут стать многодетная семья, одинокая мама или семья с маленьким ребёнком. Медики всё чаще сталкиваются с беременными или роженицами из числа мигрантов, часто не имеющими никаких медицинских документов. Если до недавнего времени мигранты не предъявляли серьёзных требований к социальной системе и были практически невидимы для неё, то теперь ситуация меняется [6].

Почти половина (45,6%) опрошенных состоят в браке и имеют детей. Каждый восьмой мигрант (12,1%) женат (замужем), без детей. Имеют детей, но в настоящее время не состоят в браке 7,1% опрошенных. 35,2% – не женаты (не замужем). Миграция в Татарстан всё больше приобретает семейный характер. Чуть более половины респондентов ответили, что их супруг (супруга) проживает с ними, почти половина (46,4%), что жена (муж) тоже работает. Эту тенденцию можно расценивать по-разному. Есть эксперты и

политики, которые категорически против усиления семейного характера миграции. Их логика заключается в том, что мигранты должны приезжать на временные работы, короткий срок и возвращаться в свою страну. В семейной миграции эти эксперты видят угрозу национальной безопасности, усиления нагрузки на социальную систему, культурной идентичности россиян. Другие специалисты считают, что семейный характер миграции лучше, чем привлечение временных одиноких работников, способствует решению демографических проблем России. Семейные люди более склонны к усвоению требований, соблюдению законов и культурных норм принимающего общества, легче адаптируются и стремятся к интеграции. Специалист УФМС в Актанышском районе РТ сказал, например: *«Редко кто приезжает, чтобы здесь окончательно обосноваться, остаться жить навсегда, как правило, если такие есть, то они уже с семьями приезжают, с жёнами, с детьми, с друзьями. Но ведь есть и те, кто приезжает только ради денег и иногда это приводит к тому, что, не сумев заработать, они законы нарушают, совершают преступления, чтобы деньги добыть».*

У большинства мигрантов (54,3%) дети младше 18 лет, 43,2% иностранных работников имеют одного ребёнка, каждый третий (32,2%) мигрант – двух детей, три и более детей – у 23,7% мигрантов. Более чем у трети мигрантов дети тоже находятся в России и живут вместе с родителями. Интеграционный потенциал таких семей специалисты оценивают как более высокий. *«Даже у нас в Муслумово таких семей, живущих здесь более 20 лет, наверное, 10-15 уже. У них здесь дети родились, выросли, в школу ходили и*

разговаривают по-татарски хорошо. В прошлом году, например, я читала, армянская девушка на республиканском уровне на олимпиаде по татарскому языку заняла место» (интервью с сотрудником отдела социальной защиты Муслюмовского района).

Имея в виду потребности не только экономического, но и демографического развития страны известный демограф А.Г. Вишневский предлагает детям, родившимся в России, давать права граждан, как это принято во многих странах [2].

По вопросу о месте проживания до переезда в Россию, ответы распределились практически равномерно. Чуть более четверти (25,8%) мигрантов в своей стране жили в большом городе, в районном центре жили 27,6% приехавших, по 23% опрошенных выбрали ответы «в маленьком городе» и «в селе».

Гендерный контекст

Среди трудовых мигрантов растёт доля женщин. По данным официальной статистики ФМС РФ, они составляли в 2010 году 14% всех трудовых мигрантов, работающих в России: в Москве их доля была в 1,4 раза выше – около 20% от всех работающих в столице мигрантов. Однако, по оценкам экспертов, реальная доля женщин среди мигрантов составляет в среднем не менее 30% и сильно варьирует по странам происхождения, от максимального (45-50%) в потоках из Украины и Белоруссии до минимального в потоках из Таджикистана и Узбекистана (10-15%) [6].

В выборку нашего опроса попали 70,8% мужчин и 29,2% женщин. В официальной статистике доля мужчин больше. Такая

структура трудовой миграции обычно объясняется структурой занятости, тем, что основная доля занятых работает в сфере строительства. В нашем исследовании работающих в строительной области немного меньше, чем в данных официальной статистики – 31,9%. Это, как представляется, результат того, что официальная статистика учитывает занятость по въезду иммигранта и получению разрешения на работу. Фактически же с учётом иностранных работников, занятых в экономике не первый год, картина меняется. Вторым объяснением сравнительно небольшой доли женщин может быть предположение о том, что женщины хуже учитываются официальной статистикой и реже попадают в фокус социологических исследований. Эта тенденция уже была описана. Как пишет Е. Тюрюканова, по данным исследований 2007 года, «женщины чаще остаются «невидимыми» из-за особенностей своего труда (высокая доля работающих в домохозяйствах и других неформальных сферах занятости)» [7]. Эта исследовательница предполагала, что поскольку сфера услуг развивается высокими темпами и в развитых странах даёт 2/3 рабочих мест, будет происходить дальнейший рост женской составляющей миграции. В фокусе нашего исследования оказалась довольно большая доля женщин, что позволяет провести анализ с позиций гендерных различий.

Исследование трудовой миграции женщин, проведённое в 2006-2008 годах в Татарстане, позволило Н.Г. Абдуразаковой классифицировать группы трудовых женщин-мигрантов по критерию самостоятельности и роли женщины в миграционном процессе: первая группа – женщины-мигранты – главы семей (незамужние,

разведённые, вдовы). Естественно, таким женщинам приходится целиком самостоятельно решать свою судьбу и нести ответственность за свои семьи (3/4 опрошенных). Вторая группа: женщины – «пионеры» миграции (1/4 опрошенных). Зачастую даже те женщины, которые мигрировали в составе семьи (муж, дети, родители), нередко выступали инициаторами и организаторами миграции, а муж следовал за женой, при этом в качестве ресурсов для адаптации и обустройства на новом месте нередко использовался социальный капитал жены (старые знакомые жены по учёбе в вузе, новые связи и т.п.).

Исследования этого автора показали, что при определённых условиях замужняя женщина может брать на себя роль организатора миграции, традиционно приписываемую мужчине – главе семьи. Среди этих условий можно назвать обладание ресурсами, которыми мужчина по каким-либо объективным или субъективным причинам не обладает. Из обследованных в ходе интервью примеров семейной миграции стало видно, что к факторам, увеличивающим социальный капитал и, соответственно, роль женщин в миграции, следует отнести национальность; образование; правовую грамотность; наличие родственников, друзей или знакомых в Татарстане; трудоспособный возраст; обладание такими психологическими чертами, как общительность, инициативность, активная жизненная позиция [1].

Проведённый в рамках нашего исследования анкетный опрос показывает, что значимых различий по типу занятости – по патенту, по разрешению на работу, без разрешения и без патента – между мужчинами- и женщинами-мигрантами нет. Практически равные

доли женщин и мужчин работают по патенту (5,1 и 5%), по разрешению на работу (41,8 и 39,9%), без разрешения и без патента (53,1 и 55%). Очевидно, что в исследовании не учтены те женщины-мигрантки, которые остаются «невидимыми», занимаясь домашним хозяйством. По словам активистов диаспор, таких много: *«93% жен – домохозяйки. Нет такого, чтобы не было 2-3 детей в семье... молодёжь, которые женились недавно, у них тоже по 1-2 ребёнка. Наверное, в первую очередь, это дети влияют. Потому что дом тоже надо убирать, готовить, а при этом если бы она работала, то пришлось бы ещё няньку нанимать. А такого, что она, по обычаю, обязана дома сидеть – нет. Она ничего не обязана. Скорее всего, дети»* (председатель НКА таджиков).

Женщин, состоящих в браке, меньше, чем мужчин: только 32,7% назвали себя замужними, среди мужчин женатых – 50,8%. Большие отличия наблюдаются при ответе на вопрос, проживает ли в настоящее время мигрант с женой (мужем). Среди женщин, живущих с мужем, – 80%, среди мужчин – 44%.

Российские исследования показывают, что миграция серьёзно влияет на семью. Е.В. Тюрюканова по результатам масштабного исследования, посвящённого женщинам-мигрантам из стран СНГ в России, пишет: «Трудовая миграция – непростое испытание для семейных отношений, особенно если мужа и жёны вынуждены находиться по разные стороны национальных границ. По данным выборочного опроса мигрантов, каждая седьмая семейная женщина видится со своим мужем/партнёром всего лишь несколько раз в год

или даже реже, а среди тех женщин, чьи супруги остались в местах постоянного проживания, этот показатель составляет около 80%» [7].

Интервью с активистами национальных диаспор показывают, что брачность трудовых мигрантов-мужчин требует отдельного изучения. *«Если честно, каждый пятый, наверное, здесь на местной женится. У нас закон многожёнства. У нас по закону разрешён гражданский брак, поэтому каждый пятый здесь тоже женился. Женились здесь на татарке, на узбечке. В основном, те, кто сюда приезжают, они не на 3-4 месяца приезжают, а минимум на полгода и больше. Он туда уезжает на 2 месяца, и обратно возвращается сюда. Здесь без женщины тоже невозможно. Многожёнство это есть, это вот фактически так есть. Все знают. Те, кто говорят, что не знают – это все враньё. Первая, вторая жена есть. Может быть, здесь первая, там – вторая»* (председатель НКА таджиков).

Только 34,4% женщин, опрошенных в ходе исследования, имеют детей в возрасте до 18 лет. У мужчин 61,8% имеют детей такого возраста. Среди мужчин-мигрантов больше многодетных отцов: троих и более детей имеют почти 28% респондентов. В группе женщин больше тех, кто имеет одного (52,4%) и двух (38,1%) детей, только 9,5% женщин имеют троих детей.

Исследование в Татарстане показало, что здесь больше женщин-мигранток, живущих с детьми. Так, результаты, полученные Е.В. Тюрюкановой, показывают, что с учётом тех, кто родил детей, уже находясь в России, и, соответственно, живёт с ними здесь, а также тех, кто взял только кого-то из детей с собой, чуть больше трети мигрантов-женщин, приезжающих на заработки с детьми. Это –

особенность женской миграции, отмечает этот автор. Среди мужского мигрантского населения таких в несколько раз меньше. Оставлять детей дома предпочитает большинство женщин-мигрантов, работающих в России. На родине оставили детей 56,4% женщин, живущих в России с мужьями, и 83,3% приехавших в одиночку [8].

В Татарстане картина иная. Опрос показал, что здесь 66,7% женщин живут вместе с детьми. Почти каждый третий мужчина (30%) ответил, что дети до 18 лет живут вместе с ним, в семье.

Структура занятости и бремя домашнего хозяйства, уход за детьми, видимо, определяют тот факт, что женщины в целом зарабатывают меньше мужчин. Личный доход в месяц более 29000 рублей имеют 11,3% мужчин и только 3,1% женщин, доход от 20000 до 29000 рублей – 21,3% мужчин и 9,2% женщин. В самом нижнем доходном сегменте находятся примерно равные доли трудовых мигрантов: доход от 4000 до 9000 рублей получают 20,5% мужчин и 21,4% женщин.

Своё материальное положение женщины определяют более позитивно, чем мужчины. На вопрос «Как бы Вы определили своё материальное положение?» 26,9% мужчин выбрали ответ «денег хватает только на приобретение продуктов питания». Выбравших такой ответ женщин меньше более чем в два раза – 10,6%. Денег хватает на приобретение только необходимых вещей у 55,1% мужчин и 70,2% женщин. Покупку товаров длительного пользования могут себе позволить 15% мужчин и 17% женщин.

В ходе опроса получен результат, который, как нам представляется, ещё не отражён в научной литературе. Женщины

практически в два раза меньше участвуют в отправке финансовых ресурсов «домой», в свою страну. 71,8% мужчин отсылают деньги своей семье на Родину, среди женщин таких лишь 37,4%. Даже в тех случаях, когда женщины помогают семье, делают это реже: 66,7% мужчин и лишь 46,2% женщин отсылают деньги каждый месяц, один раз в два-три месяца – 30,9% мужчин и 43,6% женщин, раз в полгода – 3,4% мужчин и 7,7% женщин. Таким образом, женщины, которые живут и работают в Татарстане вместе с семьей, с детьми, с точки зрения интересов финансовой стабильности страны являются более значимыми экономическими субъектами: они российские потребители и расходы осуществляют здесь.

Материальное положение и жилищные условия трудовых мигрантов

По данным Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, доход иностранных работников значительно вырос с 2011 года – с 9237 рублей в месяц до 14703 рублей (рис. 5). Несмотря на подобное увеличение, оплата труда иностранных работников значительно ниже среднемесячной заработной платы по Республике Татарстан, которая на сентябрь 2013 года равнялась 25533,6 рублям [5]. Таким образом, средняя ежемесячная оплата труда иностранных работников, имеющих разрешение на работу, составила в 2013 году 57,6% от средней по региону.

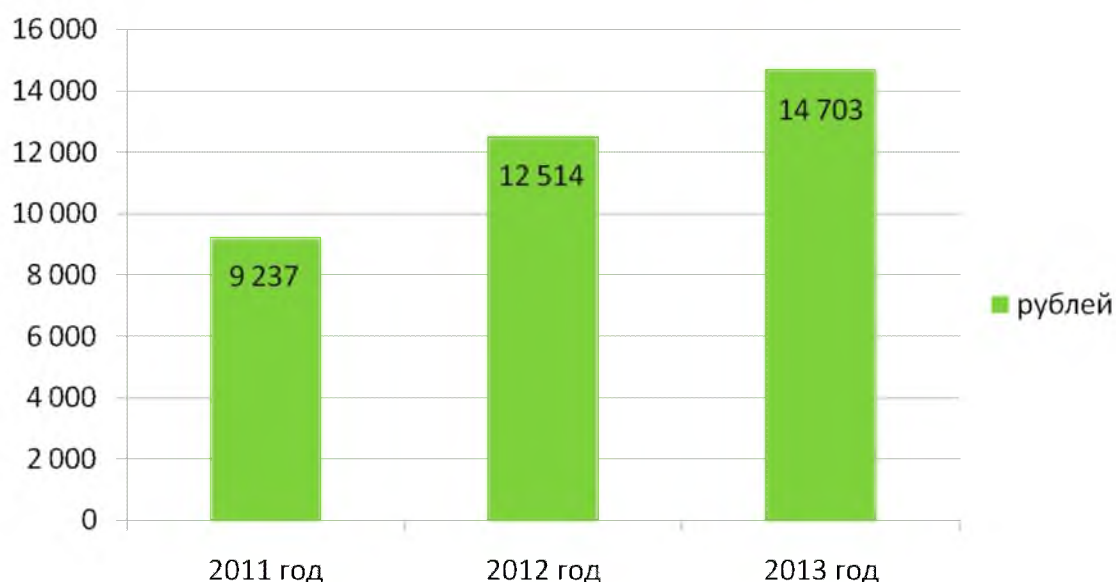


Рис. 5. Динамика заработной платы трудовых мигрантов.

Анкетный опрос мигрантов показал, что доход от 9000 до 14 000 рублей получают – 26,7% трудовых мигрантов, каждый четвёртый мигрант (24,9%) получает доход до 20 000 рублей, доход до 29000 рублей получают 17,8% иностранных работников. К группе малооплачиваемых относится каждый четвёртый мигрант: до 6000 рублей зарабатывают – 4,2%, до 9000 рублей – 16,6% мигрантов. К высокооплачиваемой группе (свыше 29000 рублей) отнесли себя 8,9% опрошенных.

Доход трудовых мигрантов зависит от продолжительности их пребывания в России. Это связано не только с неадаптированностью прибывших в чужую страну людей: такова налоговая система. *«Единственный минус здесь в том, что вот на 3 года дают (разрешение). Первые 6 месяцев 30% подоходного налога, тем более сделали так, что 17% подоходного налога стало невозвратным. И ещё 30% пенсионные начисления надо делать... Первые полгода самые тяжёлые для человека здесь... Опять-таки работодатель*

будет ухищряться меньше писать зарплату, чёрным конвертом платить. Я прямо не знаю, эти законы как враг государства делает. Получается, они 60% платят полгода, это же кошмар. Я ведь говорю, получив 100 рублей, он только 30 отправляет домой. Такие есть в законодательстве пробелы» (интервью с директором Центра социально-правовой помощи мигрантам РТ).

Своей семье на родину отсылают деньги 61,7% опрошенных. Каждый месяц делают это 62,1%, раз в два-три месяца – 33,2%, раз в полгода – 4,2% иностранных работника.

Материальное положение мигрантов, по их самооценке, невысокое: 22,1% говорят, что денег хватает только на приобретение продуктов питания, 59,5% – на приобретение самых необходимых предметов. Товары длительного пользования (телевизор, холодильник и т.д.) могут приобрести 15,6%, и только 9% опрошенных чувствуют себя материально обеспеченными.

Несмотря на то, что большая часть опрошенных назвала условия своего проживания комфортными (72,8%), понимание комфорта скорее отражает неприязнательность квартиросъёмщиков, не отличающихся высоким достатком и стремящихся сохранить как можно больше средств для семьи, оставшейся в другой стране. Так, в индивидуальной комнате проживают 12,9% опрошенных. 23% делят её на двоих, 22,4% – на троих. 16,9% проживают вчетвером, 6,7% – впятером, 5,5% – вшестером. По семь человек в комнате проживает 4,9% опрошенных, по восемь – 2,5%, по девять – 1,5%. 1,8 % проживают в комнате от 10 до 15 человек.

Около одной пятой опрошенных проживают в общежитии от предприятия (19,5%), 34,8% – в съёмной квартире, доме – 34,8%, в съёмной комнате – 25,4%. Собственной квартирой, домом успели обзавестись 12,4% респондентов. 5,6% ответили, что проживают «где придётся». Среди наиболее маргинальной с точки зрения проживания группы мигрантов находятся те, которые либо не имеют разрешения на работу и патента, зарабатывают немного, либо, имея разрешения, на регистрационный учёт по месту жительства вставали, используя неформальные подходы.

По результатам интервью, самым дешёвым жильём считается ряд общежитий, за койко-место в котором иностранные рабочие платят 50 рублей в месяц. В комнатах на 6-8 человек стоят двухъярусные кровати, в коридоре есть душ, туалет, кухня. В общежитии, принадлежащем одному из промышленных предприятий республики, для иностранных работников выделен целый этаж.

В поиске жилья также ведущую роль играют неформальные связи – знакомые, родственники. Зачастую на квартирах происходит ротация трудовых мигрантов – на место уехавших на родину, приезжают другие. Квартиры и комнаты чаще всего снимаются ближе к месту работы.

Мукомель В.И. среди мигрантов выделяет три группы, различающиеся жизненными планами: 1) укоренившиеся в России, полностью интегрированные в российский социум; 2) прибывшие на заработки, но уже адаптировавшиеся и пересматривающие свои жизненные планы; 3) намеренные вернуться на родину, среди которых большинство – молодые люди, недавно прибывшие в

Россию. По словам автора, среди них немало нелегальных мигрантов, живущих на объектах, на которых работают, зарабатывают существенно меньше остальных приезжих. «Именно эта молодёжь, имеющая смутные представления о российском социальном пространстве и не связывающая своё будущее с Россией, попадая в сети мигрантской субкультуры, замыкается в своей среде» [6: 253].

Согласно проведённому исследованию, как минимум четверть трудовых мигрантов могут быть отнесены к третьей категории – группы наиболее уязвимой с точки зрения здоровья, дискриминации со стороны работодателя и полиции, с одной стороны, и выступающей наиболее сложной с точки зрения социальной интеграции и требующей внимания – с другой.

Список использованных источников

1. Абдуразакова Н. Г. Женская трудовая миграция в контексте глобализации: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03: / Н. Г. Абдуразакова. – Казань, 2008. – 219 с.: ил.
2. Вишневский А. Г. О рождаемости, смертности, прогнозах и миграции / А. Г. Вишневский // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 9. – С. 174–176.
3. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / [Е. В. Тюрюканова и др.]; под ред. Е. В. Тюрюкановой. – Москва: МАКС Пресс, 2011. – 184 с.
4. Карачурина Л. Б. Женщины-мигранты из стран СНГ в России: трудовые права и практики / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Мир России. – 2011. – № 4. – С. 112–139.

5. Мукомель В. И. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение / В. И. Мукомель // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Москва: Ин-т социологии РАН, 2008. – Вып. 7. – С. 250–272.

6. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения Республики Татарстан / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/standards_of_life/, свободный.

7. Трудовая миграция в России: медико-социальные и гендерные аспекты: материалы междунар. конф., 26–27 окт. 2011 г. – Москва: Бюро международной организации по миграции (Бюро МОМ) в Москве, 2012. – 84 с.

8. Тюрюканова Е.В. Стратегия социальной интеграции трудящихся мигрантов [Электронный ресурс] / Е.В. Тюрюканова, Ю.Ф. Флоринская, Н.И. Ажгихина. – Режим доступа: http://www.ruj.ru/_projects/the-strategy-of-social-integration-of-migrant-workers-.php, свободный.

3. ТРУДОВОЙ МИГРАНТ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: ОСОБЕННОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемы официального трудоустройства

Исследование выявило наличие значительного сектора неформальной экономики, использующей труд иностранных работников. Так, чуть более половины опрошенных не имеют ни патента, ни разрешения на работу (54,5%). Среди разрешённых видов трудоустройства преобладает разрешение на работу, патентами обладают лишь 5,1% респондентов (рис. 6).

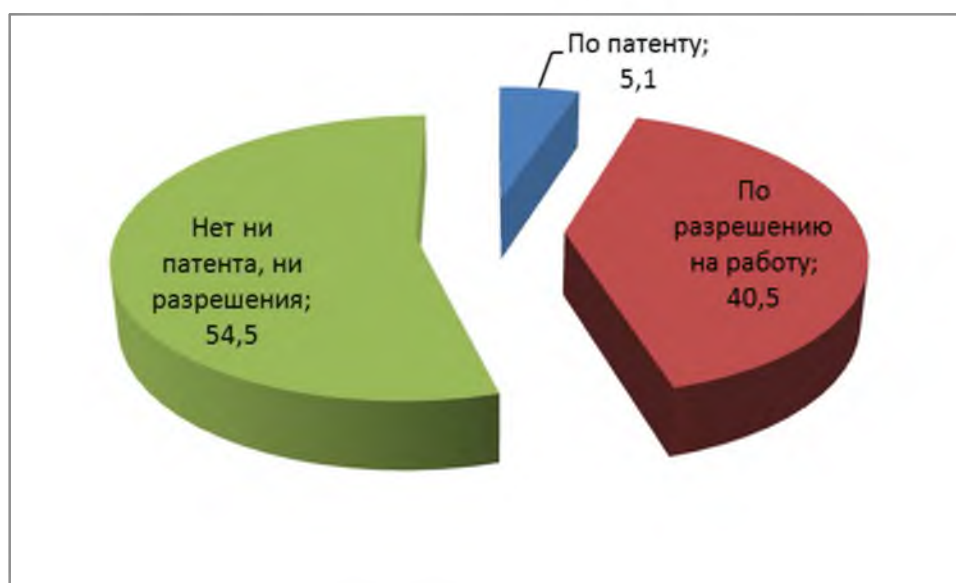


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Вы работаете по разрешению на работу или по патенту?», %.

На подобную проблему указывал, в частности, В.И. Мукомель, в исследовании которого также была обнаружена большая доля мигрантов, не имеющих официальных соглашений с работодателем [2]. Как отмечает автор, «неформальная занятость и занятость

иностранцев без законных на то оснований – следствие не столько их «выгодности» для работодателя и работника, сколько несовершенства законодательства и, особенно, его правоприменения» [2: 250]. В этом причины на ограничение пребывания на территории России тремя месяцами без разрешения на работу, и трудоёмкость самой процедуры получения разрешения, и сложности оформления квот на привлечение иностранной рабочей силы.

Отвечая на вопрос о проблемах при получении патента или разрешения на работу, 74% опрошенных из числа тех, кто имеет подобные документы, указали на то, что делали это через агентство и поэтому проблем не испытывали. 17,3% ответили «Слишком долго ждать, нужно собрать много бумаг», 3,8% – «деньги нужно платить», 3,8% – «много желающих», 1% – прохождение медосмотра. Действующее в республике Агентство правовой помощи иммигрантам действительно облегчает задачу как иностранных работников, так и работодателей, поскольку берёт на себя процесс получения разрешения на работу. Во многих случаях человек трудоустраивается в Агентство, а фирма или предприятие по договору перечисляет средства Агентству на оплату труда работникам. Единственным минусом, отмеченным работниками в подобной ситуации, является то, что оплата в данном случае фиксированная и не зависит от выработки. Вместе с тем, иностранные работники получают защищённость в виде официальной стабильной работы и не имеют проблем с задержкой заработной платы.

Отвечая на вопрос: «С какими проблемами при поиске работы Вы столкнулись», треть отметили слишком низкую оплату труда (32,4%), 24,2% опрошенных указали и на то, что работодатель не оформляет трудовой договор, 23% указали на наличие только временной работы, 13,2% на языковые проблемы (рис. 7). Примечательно, что доля тех, кто столкнулся с какими-либо проблемами при трудоустройстве, а также при оформлении разрешения на работу, гораздо ниже среди тех, кто нашёл работу через агентство.



Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Столкнулись ли Вы со следующими проблемами при поиске работы?», %.

В силу того, что многие мигранты работают без официального договора, им нередко приходится терпеть несправедливое отношение работодателя. Так, одна десятая доля опрошенных часто сталкивалась с тем, что за работу им платили меньше, чем обещали (10,7%), 27% сталкивались с подобной ситуацией редко. Из тех, кто испытывал данную проблему, 13,7% не удалось добиться оплаты, 46% – только

частично, 40,3% – полностью. Решение проблемы справедливой оплаты труда было в большинстве случаев без чьего-либо участия (55,6%), 39,1% помогли родственники и друзья, 6% – лидер НКА или Дома дружбы народов. Специалист Министерства труда, занятости и социальной защиты отметила в интервью, что на комиссиях, принимающих квоты на трудоустройство иностранной рабочей силы, приглашаются лидеры национально-культурных ассоциаций, и бывают случаи, когда работодателям, плохо зарекомендовавшим себя с точки зрения своевременной и честной оплаты, отказывают в квотах.

Сферы трудовой деятельности

Нами были опрошены трудовые мигранты, работающие в сфере строительства (31,9%), торговли (25,4%), транспорта (11,8%), общественного питания (6,8%), производства (5,6%), ремонта обуви (4,2%), автосервиса (3,4%) (рис. 8).



Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «В какой сфере трудоустройства Вы работаете?», %.

Большая часть опрошенных трудовых мигрантов занята низкоквалифицированным или неквалифицированным трудом – продавцы, рабочие различных специальностей и разнорабочие (рис. 9). Доля тех, чья специальность связана с управлением, невелика – в общей сложности 4,8%.

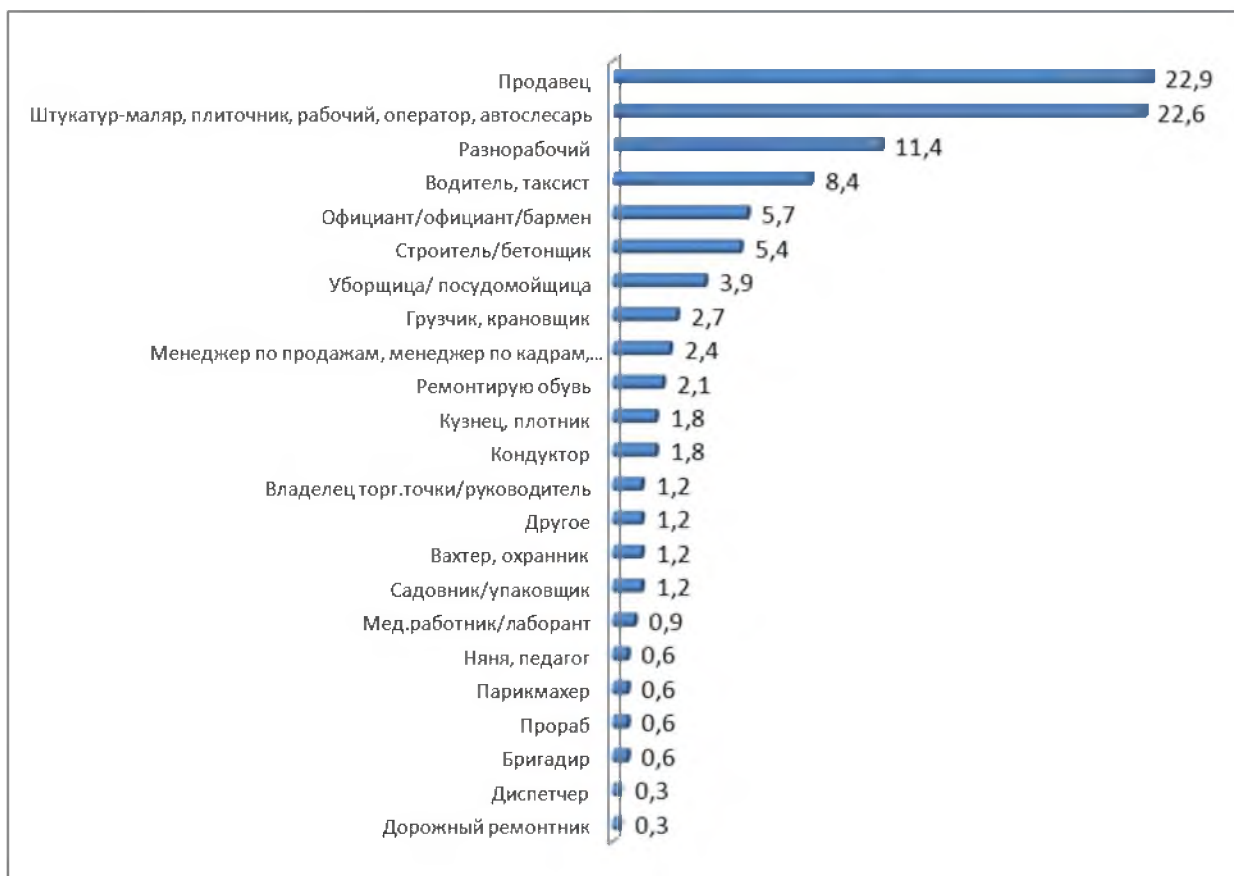


Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы работаете?», %.

Среди опрошенных 14,2% имеют высшее образование, 36,6% – среднее профессиональное образование, 15,3% – начальное профессиональное, 23,9% окончили только школу, одна десятая доля имеют неполное среднее образование (рис. 10).



Рис. 10. Образование респондентов, %.

У 72,1% респондентов работа не связана с их образованием как и по уровню (высшее, среднее и т.д.), так и по специализации. Это указывает на то, что, приезжая в Казань, мигранты осваивают новые специальности и не могут использовать в полной мере свой символический капитал. Так, например, на фанерном заводе трудятся и бывший учитель французского языка, и учитель русского языка из Таджикистана. Велика доля людей с высшим образованием среди мигрантов, работающих охранниками и вахтёрами – 25%, продавцами – 18,4%. Менеджеры и администраторы в большинстве своём представлены людьми с высшим образованием (50%) и средним специальным образованием (37,5%). 100% бригадиров имеют среднее специальное образование. Весьма образованна категория представителей рабочих профессий: штукатуров, маляров, плиточников, автослесарей, операторов. Так, около половины из них имеют среднее профессиональное образование (48%), 14,7% – высшее образование. Стоит отметить, что люди с неполным средним

образованием также широко представлены в ряде профессий – это половина опрошенных кондукторов, 30,8% уборщиков, посудомойщиков, 28,6% людей, ремонтирующих обувь, 22% грузчиков.

Большинство специальностей, по которым работают мигранты, не требует специального образования. С этим связан и тот факт, что работодатели в большинстве своём при приёме на работу/приглашении на работу (в случае неофициального трудоустройства) не просили показать диплом об образовании (68,5%).

Около половины опрошенных обучались по ходу работы (42,9%). 45,6% указали на то, что работодатели провели несколько занятий и показали, как и что делать, 8,8% получили инструкции (рис. 11).



Рис. 11. Распределение ответов на вопрос: «Обучали ли Вас работе или Вы сразу приступили к обязанностям?», %.

У большинства опрошенных текущее место работы было первым в Казани за этот год (61,6%), для одной четвёртой части – вторая (24%). Доля трудовых мигрантов, меняющих место работы несколько раз в год в Казани, сравнительно невелико: так, 8,4% имеют третью работу, 3,6% четвёртую, 1,2% – пятую работу (рис. 12).

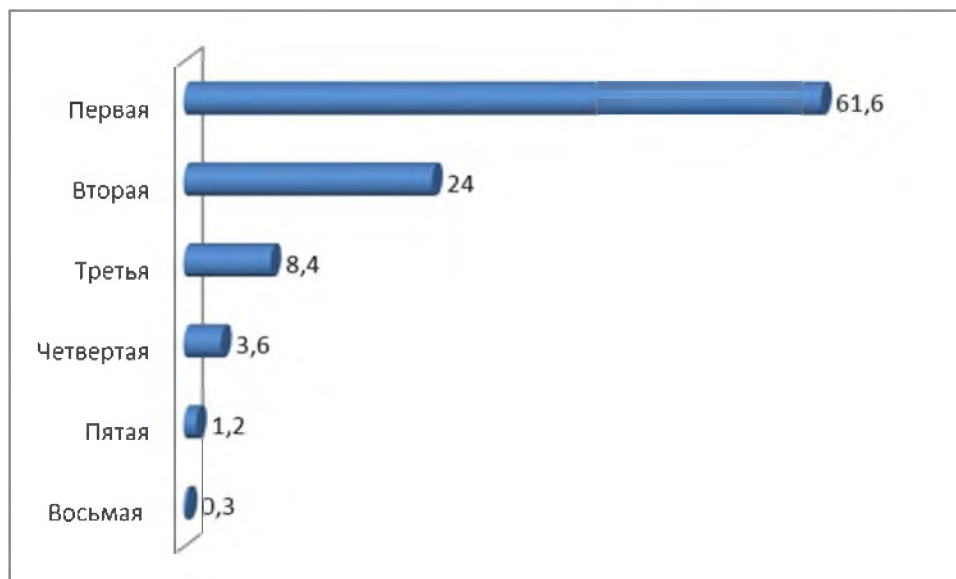


Рис. 12. Распределение ответов на вопрос «Какая по счёту у Вас эта работа в Казани в этом году?», %.

Доля тех трудовых мигрантов, которые знали, где будут трудоустраиваться до приезда в Казань, и доля тех, которые ехали «наугад», примерно одинакова 51,6 и 48,4% соответственно (рис. 13).

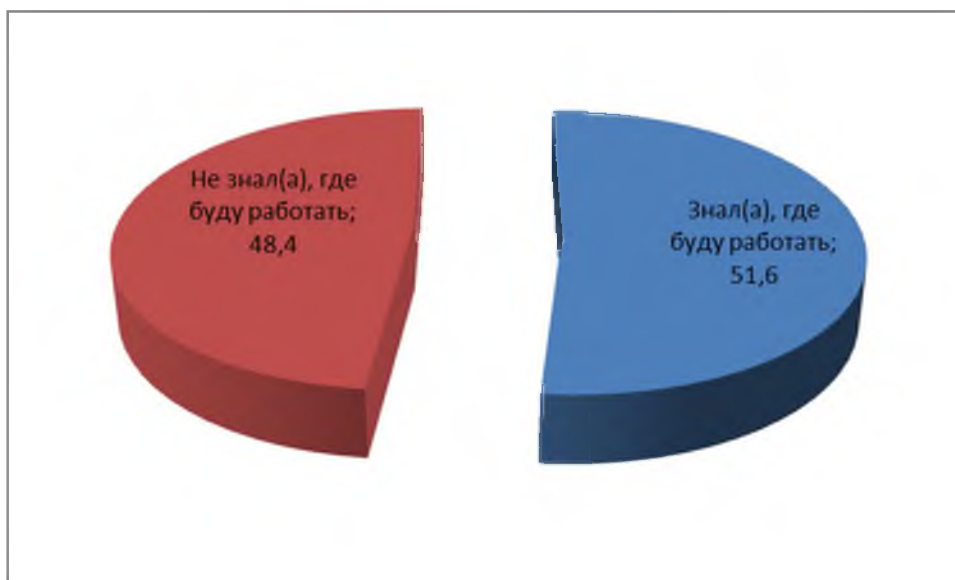


Рис. 13. Распределение ответов на вопрос: «Знали ли Вы, где будете работать?», %.

Было выявлено, что большая часть трудовых мигрантов использует неформальные каналы для поиска работы – около половины из них нашло работу в Казани через знакомых, друзей (47,8%), 28,1% – через родственников. 6,9% нашли работу через объявление в Интернете, газете, столько же – через агентство в своей стране, 7,2% – через агентство в Татарстане (рис. 14).



Рис. 14. Распределение ответов на вопрос: «Как Вам удалось найти работу в Казани?», %.

Говорить о распространённости в Татарстане т.н. этнического предпринимательства, сформированного иностранными гражданами либо выходцами из других стран, нельзя. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что по работе трудовые мигранты общаются в основном с гражданами России – 68,5%, с гражданами собственной страны – 30,1%, с гражданами других стран – 7,7%. Вместе с тем, помощь в поиске работы среди знакомых – выходцев из той же страны, как уже отмечалось, весьма распространена. Можно говорить и о том, что надежда на знакомых и трудоустройство у представителей родной страны может выступать фактором адаптации [3]. В то же время говорить о том, выступает ли этнический фактор доминирующим, сложно, скорее речь идёт об отношениях родства и дружбы, поддерживающих людей и особенно важных в переходных жизненных ситуациях, в которых оказываются мигранты [1].

Если говорить об отношениях дружбы и приятельства, то здесь ситуация иная – половина трудовых мигрантов среди знакомых и друзей имеют граждан их собственных стран (50,3%), граждан других стран (15,9%). Среди знакомых и друзей также в немалой доле опрошенных преобладают граждане России (37,7%).

Около половины опрошенных трудовых мигрантов не испытывают языковых проблем (табл. 1).

Таблица 1

Степень владения русским языком трудовыми мигрантами, %

| Говорю | | Пишу | Читаю |
|----------|------|------|-------|
| С трудом | 15,8 | 31,7 | 29,4 |
| Средне | 36,3 | 35,7 | 36,2 |
| Хорошо | 47,9 | 32,6 | 34,4 |
| Всего | 100 | 100 | 100 |

Большая часть опрошенных общаются на работе на русском языке (68,7%), 5,9% – на татарском, а порядка трети – на родном языке (33,9%). В последней категории – те работники, которые общаются преимущественно с выходцами из своей страны и плохо владеют русским языком. Наибольший языковой барьер наблюдается у выходцев из Азербайджана и Кыргызстана, среди них 28,9 и 27,9% соответственно разговаривают по-русски с трудом. Языковой фактор значительно сдерживает возможности многих мигрантов в поиске работы, сужая как возможности трудоустройства по специальности, так и в целом выбор работодателя.

В целом можно отметить большое влияние неформальных связей в формировании стратегии трудоустройства иностранных работников. С одной стороны, это отражает особенности экономики, сложившейся в постсоциалистический период [4, 5]. С другой стороны, можно предположить, что среди трудовых мигрантов неформальность играет особую роль – половина из них не имеют официальных соглашений с работодателями, что говорит не столько об уровне доверия, сколько о невозможности эффективного трудоустройства формальным путём с получением гарантий.

Список использованных источников

1. Бредникова О. Е. Этничность "этнической экономики" и социальные сети мигрантов / О. Е. Бредникова, О. В. Паченков // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 2. – С. 74–81.
2. Мукомель В. И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты / В. И. Мукомель // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Москва : Новый хронограф, 2012. – Вып. 11. – С. 236–263.
3. Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов / С. В. Рязанцев // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 73–86.
4. Ledeneva A. V. How Russia really works: the informal practices that shaped Post-Soviet Politics and Business / A. V. Ledeneva. – London : Cornell University Press, 2006. – 270 p.

5. Williams C. The role of informal economies in the Post-Soviet World: the end of transition? / C. Williams, J. Round, P. Rodgers. – London : Routledge, 2013. – 264 p.

4. ДОСТУПНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Система образования – важнейший институт общественного воспроизводства и государственной безопасности, действенный инструмент культурной и политической интеграции общества. Проблемы образования детей мигрантов и позиций мигрантов в образовательных системах имеют несколько аспектов. Первый и, пожалуй, наиболее важный – это доступность образования для детей мигрантов. Второй – содержание и качество образования для детей мигрантов в контексте требований поликультурности, сочетания целей интеграции (ассимиляции) и сохранения этнокультурной и языковой самобытности мигрантов. Третий аспект проблемы связан с образованием взрослых, с преломлением требования «образование через всю жизнь» применительно к иностранным работникам.

Как показало проведённое исследование, каждый из этих аспектов актуализирован в Республике Татарстан.

Доступность образования для детей мигрантов

Доступность образования для детей мигрантов определяется целым рядом международных документов, в реализации которых принимает участие Российская Федерация. Важнейшей из них

является Конвенция о правах ребёнка, статья 28, гарантирующая детям бесплатное и обязательное начальное образование и требующая от государств – членов ООН поощрение развития различных форм среднего образования как общего, так и профессионального [15].

Другой документ, принятый делегатами из 155 стран и представителями 150 организаций на Международной Конференции в Джомтьене (Тайланд) в 1990 году, – программа «Образование для всех», призванная универсализировать систему начального образования и сократить безграмотность к концу десятилетия. В 2000 году в Сенегале участники программы подтвердили стратегию и выразили готовность достичь её целей к 2015 году. Согласно программе «Образование для всех» государства по всему миру берут на себя ответственность по обеспечению каждого ребёнка и взрослого качественным начальным образованием. Движение «Образование для всех» основано на понимании, что образование является правом человека, и оно необходимо не только для полноценного развития, но, кроме того, для поддержания мирных и стабильных отношений между государствами [22].

В соответствии с ратифицированной Россией в 2009 году Европейской социальной хартией (пересмотренной) государства обязуются развивать и поощрять обучение национальному языку принимающего государства или, в том случае если имеется несколько таких языков, одному из этих языков рабочих-мигрантов и членов их семей, а также развивать и поощрять, по возможности, обучение детей рабочих-мигрантов родному языку рабочего-мигранта [24].

Международные документы по правам человека или правам меньшинств, как правило, закрепляют признание за любым лицом право изучать язык своей группы. Эта деятельность, как подчёркивается в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, должна осуществляться без ущерба для изучения официального языка или преподавания на этом языке и без ущерба для мер, принимаемых в рамках общей интеграционной политики. Международное право, признавая значение образования в сохранении культурного многообразия, предельно осторожно обозначает принципы организации обучения с использованием права родителей учить детей на родном языке. В современном мире в качестве таких принципов выступают развитие билингвального и полилингвального обучения.

Существует ещё одно обстоятельство, на которое не всегда обращают внимание. В послевоенной интеллектуальной среде наиболее влиятельными были США, Великобритания, Франция, Германия. Эти страны на уровне публичных институтов на протяжении веков были одноязычными. Корсика и Пуэрто-Рико – острова в прямом и переносном смысле слова. Специалисты из этих стран как данность рассматривали то обстоятельство, что члены политического сообщества разделяют один и тот же язык. Языковая гомогенность – один из главных механизмов, используемых государством для внедрения общей гражданской идентичности. И только проблемы с интегрированием мигрантов и попытки строительства переходных институтов в Евросоюзе способствуют изменению этого порядка [18].

Проблема реализации прав детей мигрантов, в том числе нелегальных, на образование в центре общественных дискуссий с начала 2000-х годов. Целый ряд академических исследований анализируют эту проблему, изучают различные модели и практики вовлечения детей мигрантов в институты образования [33].

В США, например, как отмечают С. Макарджо и Д. Кристиан, в 1963 – 1971 годах была только одна двуязычная школа – средняя школа Коралл Уэй в Майами. К 1980 году по всей стране работало двадцать двуязычных программ. К 1990 году это число поднялось до 73. К концу XX века мы можем обнаружить двуязычные программы в 23 штатах и, по крайней мере, в 266 общественных школах [41].

Как отмечает Р. Фриман, данные программы предусматривают овладение двумя языками как учащимися, принадлежащими к языковому меньшинству, так и к языковому большинству, а школы, которые поддерживают эти программы, "могут трактоваться как часть более крупного проекта социальной идентичности, направленного на поддержку социальных изменений на местном уровне посредством социализации детей, построенной по иному, нежели социализация детей в рамках господствующего в США образовательного дискурса» [36].

Не менее важными аспектами исследований представляются подходы к методикам изучения миноритарных языков. В частности, в США популярным является разработанный в Канаде метод погружения, используемый в школах при обучении английскому языку иммигрантов. Исследователь Д. Кристиан в своих трудах подчёркивает, что погружение – это не просто иной подход к

обучению детей, слабо владеющих английским языком. Скорее, он воплощает плюралистический идеал, где двуязычие рассматривается как важное качество, которое должно быть достигнуто и сохранено. Вместо того, чтобы рассматривать детей иммигрантов как помеху, с которой школе следует бороться, двуязычные программы утверждают и используют языковые навыки этих детей, чтобы в свою очередь помочь и англоязычным детям стать билингвами. Ученики – представители языкового меньшинства и англоговорящие ученики – группируются в одних классах (в идеале – с равной долей детей из обеих групп), начиная с детского сада или первых классов начальной школы [34].

В качестве целей данных программ рассматриваются билингвизм, грамотность на двух языках и достижения в учёбе, межкультурная толерантность.

Несмотря на то, что в США прилагаются значительные усилия для создания равных возможностей для детей мигрантов, ситуация остаётся сложной. Как показывают исследования, дети иммигрантов сталкиваются с серьёзными экономическими трудностями, с тем, что называют «миграционный образ жизни», высокой мобильностью. Всё это приводит к тому, что, как считает Министерство образования США, лишь половина всех детей-мигрантов могут окончить среднюю школу [37].

Европейские страны под давлением международных организаций принимают меры для обеспечения доступа к образованию для детей мигрантов, в том числе нелегальных, «людей без документов». С осени 2012 года «дети без документов» начали

ходить в школу, не рискуя при этом быть задержанными полицией, в Швеции. Правительство приняло это решение под давлением критики ЮНИСЕФ и ряда правозащитных организаций, упрекавших власти Швеции в нарушении Детской конвенции ООН. Согласно этому документу основные права детей, в том числе на образование, не должны нарушаться ни при каких обстоятельствах. Исследования, проведённые в этой стране, показывают, что даже при доступе к образованию у детей мигрантов большие риски столкнуться с дискриминацией на бытовом уровне [40].

В Великобритании для интеграции детей мигрантов создают детские центры. Они существенно крупнее российских детсадов. Кроме того, здесь в течение всего дня может находиться не только ребёнок, но и его родители. Персонал детского центра обычно владеет тем же диалектом английского языка, что и родители ребёнка. Задача воспитателей заключается в том, чтобы подготовить своих подопечных к учебе в английской школе и адаптировать их к жизни в британском обществе. Поэтому такие детские центры очень часто походят на семейные курсы английского языка. На практике детские центры не всегда справляются с задачами. Дети мигрантов имеют право получить бесплатное общее образование, но из-за плохого владения языком не всегда завершают свое обучение.

В Германии полиция строгойше запрещено вести статистику правонарушений с учётом национальной принадлежности. При зачислении ребёнка в школу или детский сад никаких предпочтений или, напротив, ущемлений в связи с национальностью быть не может. Считается, что в современной Германии происхождение человека не

определяет его судьбу. Более того, детям из семей мигрантов всячески помогают не забывать свою национальную культуру. Так, в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия основы ислама преподаются в 130 школах. Ведь здесь проживает около 320 тыс. учеников-мусульман [8].

Зарубежные исследования содержат несколько наблюдений и выводов, которые, как представляется, имеют методологическое значение при анализе ситуации в России.

Дети иммигрантов из различных стран, различной этнической и расовой принадлежности имеют разный человеческий капитал. В США, например, новые американцы азиатского происхождения и испаноязычные американцы имеют большие различия в ресурсах, доступных их семьям и этническим общинам. Интеграция этих детей в американское общество происходит различными темпами. Возможности их восходящей мобильности предопределены, как утверждают структуралисты, местом их семей в социально-экономической иерархии и владением культурной и языковой нормой, как подчёркивают сторонники культурологических подходов. Важным является то, что расовые стереотипы оказывают положительное влияние на самоидентификацию белых и азиатских учащихся и приводят к отрицательному самовосприятию для чернокожих и латиноамериканцев.

Второе наблюдение связано с опасностью конструирования групп, помимо воли человека. Характеризуя полемику относительно предложения по реформированию образовательных программ с преподаванием двух языков в публичных школах Нью-Йорка, С.

Бенхабиб подчёркивает, что «следует более серьёзно относиться к самопричислению и самоидентификации при определении того, получат ли дети, относящиеся к этническому меньшинству, образование на их собственном языке. Этнические группы иммигрантов демонстрируют серьёзное различие относительно собственного желания в продолжение образования детей на своём родном языке. Хотя большинство родителей – выходцы из Латинской и Центральной Америки – хотят, чтобы их дети в какой-то форме обучались испанскому языку в школах, далеко не все из них одобряют нынешнюю систему, отличающуюся принудительностью причисления к национальным группам. Большинство же иммигрантов из бывшего Советского Союза и республик типа Украины, Грузии, Азербайджана мало заинтересованы в том, чтобы их дети продолжали изучать свои родные языки вообще» [5]. Личный выбор человека в реальной жизни зависит не только от культурных запросов, но и целого комплекса факторов, связанных с экономическими, социальными, политическим условиями. Люди для себя и своих детей склонны выбирать языки престижа, карьеры, успеха.

Опубликованный в 2012 году ежегодный обзор основных показателей ОЭСР в сфере образования, в котором исследуются проблемы взаимосвязи контекстуальных факторов, политики в области образования и качества образовательных результатов на основе статистических данных, полученных из стран-членов ОЭСР и стран-партнёров ОЭСР, показывает увеличение количества учащихся из семей детей мигрантов в среднем на 2% с 2000 по 2009 год.

Авторы обзора обращают внимание на факторы, свидетельствующие о сохранении неравенства. Дети мигрантов, даже высокообразованных, как правило, живут в неблагополучных районах и учатся в неблагополучных школах. В среднем результаты теста PISA на 40 баллов ниже у детей мигрантов, по сравнению с результатами детей, являющимися коренными гражданами стран ОЭСР [9].

В России проблемы образования детей мигрантов стали предметом внимания общественности в середине 2000-х годов. В обсуждениях, инициированных СМИ, дискурс угрозы сразу стал доминирующим. Характерны заголовки статей: «Москва – столица диаспор или как не повторить опыт Франции», «Ассалом алейкум, школа: дети мигрантов и российское образование пока не находят общего языка», «Мигрантам хотят запретить привозить в Россию детей» [17, 26, 30].

В 2011 году проблему обучения и социализации детей мигрантов обсуждали в Совете Федерации. Участники говорили о том, что только в Москве обучается 70 тысяч детей мигрантов и ситуация с их интеграцией является критической. Утверждали, что в столице имеются школы, где число приехавших из других государств составляет до 70%. Сенаторы предупреждали о возможных конфликтах между местными учениками и приезжими, возмущении родителей и их стремлении устроить детей в школы, где меньше чужаков. Резюмируя, сенаторы указали, что трудовые мигранты не хотят жить по законам страны пребывания, не желают адаптироваться к её культуре, изучать русский язык. Они замкнуты,

не стремятся к ассимиляции. С учётом этого обстоятельства заместитель председателя комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике Василий Парфёнов, представляющий Самарскую область, заявил: «Семья (иностранного рабочего – «СП») должна оставаться на родине, куда приезжие могут ездить примерно раз в полгода и отсылать туда заработанные деньги» [26].

Фактически сенаторы, обсуждая столь деликатную проблему, проявили, как минимум, некорректность. Под понятием «мигранты» они объединили всех, кто не является жителем Москвы (иначе говоря, всех приезжих, в том числе, имеющих российское гражданство). Большая часть людей, воспринимаемых как «чужаки, не желающие ассимилироваться», это граждане России, приехавшие из национальных республик.

Реальная цифра иностранных граждан, обучавшихся в школах Москвы в 2011 году, была значительно ниже. По словам О. Голодец (в 2011 году заместителя мэра Москвы по вопросам образования и здравоохранения), в школах и детских садах Москвы в сумме «около 28 тысяч детей не имеют российского гражданства» с учётом того, что в московских школах обучаются 760 тысяч учеников, это менее 4% [7].

В 2012 году по подсчётам департамента образования, в московских школах учились около 30 тысяч детей иностранных граждан [29].

Официальной статистики о количестве детей мигрантов в российской образовательной системе нет. По данным старшего

научного сотрудника Института демографии Высшей школы экономики Ю. Флоринской, в России около 5 млн. мигрантов. Примерно 10% из них приезжают вместе с детьми. В последнее время, по словам эксперта, детей стали привозить чаще, потому что мигранты едут уже не в неизвестность, а в город, где у них есть знакомые и о ситуации в котором они уже знают от своих земляков. По словам этого исследователя, около 10% мигрантов из Средней Азии ходят в детские сады и школы. Вместе с детьми из Закавказья они составляют 20% российских учащихся [8].

В октябре 2013 года депутаты внесли в Государственную Думу законопроект “О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”. Изменения касаются порядка приёма в государственные и муниципальные образовательные организации иностранных граждан. Так, наряду с российскими гражданами, равными правами при поступлении в государственные и муниципальные образовательные организации будут обладать только те иностранные граждане, которые смогут подтвердить статус налогового резидента Российской Федерации в течение всего срока пребывания их на территории Российской Федерации, предшествующего поступлению в образовательные организации, но не менее чем за последний календарный год.

Необходимость такого шага депутаты объясняют нехваткой мест в детских садах, которая возникла не только из-за их перепрофилирования в прежние годы невысоких темпов строительства. Авторы законопроекта в Пояснительной записке пишут: «Существует ещё одна причина, которая особенно остро

проявилась за последние несколько лет – в детских садах и школах резко увеличилось число детей мигрантов из стран СНГ и Средней Азии. В условиях ограниченности социальной инфраструктуры это привело к тому, что нехватка мест в детских садах стала ощущаться особенно остро» [11].

В случае принятия законопроекта, мигрантам при приёме их детей в дошкольные и школьные образовательные организации, помимо стандартного пакета документов, будет необходимо представить документ из Федеральной налоговой службы, подтверждающий статус налогового резидента России в течение всего срока пребывания на территории страны. Кроме этого, новое требование законодательства, как считают депутаты, станет дополнительным стимулом для легализации трудовых мигрантов и отчисления налогов в бюджет страны.

Авторы законопроекта выражают озабоченность вопросом социальной адаптации детей мигрантов, а главное, их влиянием на процесс обучения российских школьников: «...Некоторые из них почти не знают русского языка, а значит, не могут нормально учиться сами и зачастую тормозят процесс обучения российских детей. Кроме языковой проблемы, учителя отмечают и сложности с традиционным отношением к женщине. Зачастую дети мигрантов из стран Средней Азии не воспринимают информацию от преподавателя-женщины и не выполняют её заданий. Между тем учителей женского пола в российских школах подавляющее большинство».

Социологические исследования не дают, однако, столь однозначной картины. Масштабное исследование образовательной

ситуации в Санкт-Петербурге и Московской области, в частности, в школах с наибольшей концентрацией иноэтничных учеников, проведённое специалистами Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, констатировало несколько фактов. Не всех детей мигрантов россияне воспринимают как «чужаков». Дети мигрантов из Белоруссии или Украины принимаются как «свои». Строго говоря, отмечает руководитель проекта Д.Александров, надо пользоваться понятием «иноэтничные мигранты» или же использовать понятие «заметные меньшинства» (“visible minority”) – группы населения, воспринимаемые большинством в повседневных типизациях как «чужие» и «мигранты». В современной России к заметным меньшинствам относятся мигранты из Средней Азии, из Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), а также из республик Северного Кавказа, несмотря на то, что последние являются гражданами России [1].

В результате исследования стало очевидно, что детей-мигрантов в Петербурге значительно меньше, чем об этом принято говорить, к «заметным меньшинствам» относятся всего около 7% школьников. Из 419 классов, в которых проводилось анкетирование, нашлось всего 80 классов, в которых было трое или более детей, относящихся к «заметным меньшинствам».

Исследования Д.А.Александрова не всем показались убедительными. Главный редактор интернет-журнала «Русский обозреватель» Е. Холмогоров прокомментировал их так: «Я думаю, что это – сугубо ангажированное исследование, которое основано либо на манипуляции фактами, либо на достаточно искусственном

подборе тех или иных групп, потому что педагогическая и родительская практики единодушно говорят, что дети новых мигрантов затормаживают процесс школьного обучения. Значительная часть из них не знает русского языка или знает его плохо. Помимо этого, многим из них в школе приходится тратить много времени на усвоение общесоциальных норм, которые существуют в российском обществе. При этом эти нормы зачастую осваиваются ими с трудом и агрессивно, они не желают вести себя так, как следует вести себя в российских школах и как этого от них ожидают учителя... Мне подобные исследования кажутся ангажированными. Насильственно принуждать наше коренное население обучаться в одних классах с мигрантами значит отталкивать большую часть населения от школы, формировать у людей ощущение, что они не могут дать детям нормального образования по месту жительства. Всё это приводит к вынужденному варианту выбора платных школ, или это – тонкий намёк, что пора отсюда уезжать. Если речь идёт о бедных людях, которые думают, что не могут дать хорошее образование ребёнку, то это – формирование тяжёлого социального стресса, который однажды очень болезненно отольётся нашему обществу». Как обучать детей из семей мигрантов? Можно ли закрыть для них границы? Правильно ли это будет для будущего России? Эти вопросы остались без ответа [14].

По исследованиям Центра миграционных исследований, дети мигрантов, выросшие в России, имеют гораздо больше шансов интегрироваться в российское общество, чем их приехавшие на

работу родители. Более того, как правило, и родители, чьи дети живут с ними в России и посещают здесь школы и детские сады, легче преодолевают все трудности интеграции и в большей степени ориентируются на постоянное проживание в России: среди них хотели бы навсегда остаться в России, получив гражданство, больше трети (36%), тогда как среди всех мигрантов эта доля не превышает 25-26% (данные опросов ЦМИ, 2010 год) [16].

Обучение детей мигрантов в Татарстане

В Республике Татарстан до недавнего времени обучение детей мигрантов не имело статуса значимой проблемы. Общественные дискуссии в Татарстане, иногда в резких формах, проходили по вопросам поликультурного образования в контексте обязательности изучения во всех школах республики всеми учащимися татарского языка. Второй важной темой в 2000-е годы стало закрытие турецких школ, которые в странах СНГ и в России возникли в 90-е годы прошлого века. Эти школы создавались и содержались с участием турецких компаний, преподавание в них вели турецкие учителя, обучались преимущественно дети татар, но сюда же поступали и дети мигрантов из Турции, Азербайджана, Узбекистана. Одними из самых активных защитников этих образовательных учреждений стали мигранты из Грузии. Турецкие лицеи в Татарстане, как и в других регионах России, по требованию прокуратуры в 2008 году были ликвидированы. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что проверки лицеев и вынесение предписаний с требованиями о соблюдении миграционного и образовательного

законодательства в республике трактовались как меры, специально направленные на разрушение татарского национального образования.

В «Открытом письме в адрес Владимира Путина и Дмитрия Медведева», опубликованном за две недели до выборов Президента России в 2008 году в газете «Звезда Поволжья», говорилось, что правоохранительные органы предпринимают попытки «закрывать систему татаро-турецких лицеев в Татарстане». Авторы письма (56 человек: учёные-языковеды, историки, журналисты) писали, что «выдвигаемые ограничения и требования не просто абсурдны, а направлены на урезание возможностей наших детей получать качественное образование со знанием иностранных языков... Мы считаем, что проводимая по отношению к татаро-турецким лицам политика гонений есть прямое продолжение имперской политики ущемления прав национальных меньшинств в России. Поэтому при дальнейшей травле преподавателей этих лицеев и попытках закрыть в республике хорошо себя зарекомендовавшую систему татаро-турецких лицеев интеллигенция Татарстана будет обращаться за поддержкой в ОБСЕ и в Гаагский суд для защиты указанных школ, являющихся частью образовательной системы Республики Татарстан» [23].

В Татарстане, несмотря на сопротивление интеллигенции, татаро-турецкие школы были закрыты. Сохранилась лишь одна школа, как утверждалось, для обучения детей турецких граждан, работающих в Казани. Это частное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа «Радуга»», созданная как юридическое лицо в 2003 году и осуществляющая свою деятельность

с 2005 года. Учредителями школы стали Ассамблея народов Татарстана, национально-культурная автономия турок г. Казани «Анадолу», 2 физических лица. Школа имеет бессрочную лицензию и государственную аккредитацию.

Власти города в 2008 году передали в безвозмездное пользование национально-культурной автономии турок г. Казани «Анадолу» сроком на пять лет для размещения НОУ «Основная общеобразовательная школа имени Эртугрул Гази» (предыдущее название ЧОУ «Средняя общеобразовательная школа «Радуга») здание бывшего детского сада. Этих помещений ЧОУ школе «радуга» не хватает, в школе нет оборудованных кабинетов по естественнонаучным дисциплинам, поэтому лицензия оформлена только на основную общеобразовательную программу. Окончив 6-й класс, ученики этой школы переходят в другие образовательные организации Казани.

Педагоги в школе – все граждане Российской Федерации. Турецкие граждане есть в менеджменте школы (например, заместитель директора по коммерческим вопросам, экспедитор).

Из 7 направлений деятельности, указанных в отчёте о самообследовании школы, 4 посвящены этнокультурным проблемам. Это: сохранение и развитие этнокультурного компонента, в том числе родного языка, традиций, обычаев родного народа, развитие толерантности по отношению к иноязычным детям, знакомство и обучение, наряду с этнокультурным компонентом, с культурой, историей России и местных народов, создание комфортных условий для иноязычных детей и их родителей. Школа реализует

утверждённые Федеральные государственные образовательные стандарты. В ЧОУ школе «Радуга» всем детям преподаётся 2 языка: английский и турецкий. Частые гости этой школы – сотрудники консульства Турецкой Республики в Татарстане, официальные делегации из Турции, представители Ассамблеи народов Татарстана.

В 2008 году в школе обучалось 52 ребёнка, в настоящее время, по словам сотрудников, их около 150. Примерно половина из них – дети постоянных жителей Казани: татары, русские, представители других народов. Более 20 детей – из семей граждан Турции. В школе обучаются дети мигрантов из Азербайджана, Узбекистана. Много учеников из смешанных семей.

По словам педагогов, в школе создана особая атмосфера дружелюбия и комплементарности по отношению к каждому ребёнку.

Обучение в школе платное: родители оплачивают 72 000 рублей в год, скидки предоставляются за второго и третьего ребёнка. На наш вопрос «Освобождаются ли семьи от оплаты, если ученик хороший, а семья испытывает материальные трудности?» один из администраторов школы дал такой ответ: *«Здесь практически нет детей из бедных семей. Бедные иммигранты отдают детей в обычные школы».*

Особых проблем с устройством детей из семей мигрантов в дошкольные учреждения или школы в республике нет. По словам директора Агентства занятости иммигрантов М.Б.Ходжиева: *«Есть права ребёнка согласно Конвенции ООН, что где бы он ни был, он должен обязательно школу посещать, поэтому ни одна школа не*

имеет права отказывать. Как правило, каждый год 5–6 семей обращаются, что их детей не принимают. Мы, соответственно, выходим в отдел образования города и их берут в школы».

Бывший председатель национально-культурной автономии азербайджанцев, главный редактор азербайджанской газеты «ODLAR YURDU» В.В. Абдуллаев подтверждает: «В школу не так сложно устроиться. Если не в первый класс, после первого, второго, третьего... чтобы поступить, необходимо привезти из Азербайджана личное дело ребёнка, где учился, до какого класса, какие оценки, все необходимые документы. Кроме того, эти документы надо переводить, некоторые нотариально нужно заверить, некоторые так, просто представляют с переводом родители руководителю, потом оформляются, принимают ребёнка... Отношение к ребёнку со стороны учителей и других детей зависит от ребёнка и от родителей. Но так-то особенно трудностей нет... Если ребёнок будет плохо себя вести, конечно, будет плохое отношение к нему... Если родители будут заниматься, контролировать своего ребёнка, время уделять, чтобы хорошо учился, чтобы правильно себя вёл, тогда не будет никаких проблем».

Наиболее важным документом для устройства ребёнка мигранта в школу является регистрация. Наличие или отсутствие регистрации у школьника иногда становится поводом для работы с семьёй, помощи и взрослым в регистрации. Специалист территориального органа УФМС в Актанышском районе рассказывает: *«Мы с директорами школ тоже поддерживаем очень тесные связи, потому что иногда бывает сложно выявить нелегального иностранного гражданина...*

Мы в начале года обращаемся к ним со списками и собираем данные, есть ли у них дети с иностранным гражданством. Они очень охотно нам отвечают, и буквально последние 2-3 года таких «нелегальных» детей не было. Но когда они были, мы вместе с классным руководителем ходили по этим домам и выявляли их, и объясняли, что необходимо законно въехать, встать на учёт... Школа не имеет права не принять, но, конечно, необходимо обязательное информирование нашей службы. Не с той целью чтобы наказать их, а в плане помощи адаптироваться. Например, если регистрация уже заканчивается или таковой вообще нет, мы им говорим, чтобы они выехали до ближайшей границы и въехали законно, встали на миграционный учёт»

О такой же практике рассказывают активисты общественных организаций: *«Вот недавно приехала семья, ребёнок учится в 4 классе. Они обращались в школу, им сказали, что нужно сначала ребёнка зарегистрировать на 3 месяца, а уже потом он будет ходить в школу. Я сказал, что это правильно, ребёнок должен сначала прописаться на 2-3 месяца, а потом уже идти в школу, чтобы его приняли»* (интервью с председателем НКА таджиков).

По-новому проблема образования детей мигрантов возникла после конфликта в августе 2012 года в селе Шумково Рыбно-Слободского района, когда местные, преимущественно русские жители села, узнали, что проживающие здесь таджики решили построить в селе мечеть, причём прямо на участке одной из таджикских семей. Самым серьёзным доказательством «захвата» села мигрантами стал тот факт, что в Шумковской начальной школе

только один русский ребёнок, остальные – дети таджиков. По словам одного из руководителей системы образования этого района, на октябрь 2013 года в этой школе обучается четыре ребёнка из таджикских семей и один русский.

Проведённые интервью с сотрудниками Министерства образования и науки Татарстана показывают, что в детских садах и школах республики нет заметной концентрации детей мигрантов, как отметил один из экспертов, *«мне никто об этом не говорил»*. Официальной статистики по этому показателю не существует.

На фоне усиления антииммигрантских настроений в стране и после конфликта с участием мигрантов ещё в одном населённом пункте (Нурлатский район) власти республики приняли решение ограничить численность мигрантов в каждом отдельном селе. «В зоне внимания государственных и муниципальных органов власти должны находиться вопросы расселения мигрантов. Как показывает практика, компактное проживание приносит дополнительные проблемы и сложности, – заявил заместитель руководителя аппарата Президента Татарстана А.М.Терентьев. – Местные власти, особенно в сельской местности, должны наблюдать за брошенными домами и тщательно отслеживать религиозные направления, которые приносят с собой приезжие. Необходимо также законодательно разработать вопрос ограничения компактного проживания иностранных граждан в Татарстане» [2].

Развитие поликультурного образования как фактор достижения равенства и интеграции

Актуальной проблемой при рассмотрении в мире доступности образования для детей мигрантов является обеспечение поликультурного образования. Утверждение этого подхода изначально проходило в ожесточённых спорах. Сторонники модернизации программ отстаивали необходимость изменения образования как условия более глубоких трансформаций в обществе в контексте достижения большей справедливости и равенства, противники же уже тогда высказывали идею о том, что поликультурное обучение не будет способствовать социализации учеников как граждан (например, США или Франции), а приведёт к углублению расовых и культурных различий.

Такой социально-политический контекст формирования идеи поликультурного образования predetermined результат, когда это политическое, по существу, требование до сих пор не имеет однозначного толкования. В одних случаях, употребляя этот термин, имеют в виду любой набор процессов, когда школы способствуют улучшению положения групп меньшинств. В других – требование поликультурного образования приобретает характер главного принципа деятельности, когда поликультурность должна быть отражена в каждом аспекте работы школы: в штатном расписании, учебном плане, в учебных программах по дисциплинам, контроле знаний, требованиях к дисциплине учеников, взаимодействиям с родителями и местными сообществами.

Основное место в концепции поликультурного образования занимают, с одной стороны, вопросы сохранения и изучения родных языков и вопросы предоставления высококачественного образования большинству молодых людей и обеспечения равных возможностей для учащихся, представляющих этнические и расовые меньшинства, с другой. В подходах к решению этих вопросов условно можно выделить два основных направления: радикальное и умеренное.

Сторонники радикального поликультурализма подчёркивают большое значение этнических, культурных особенностей в жизни личности, считают, что социализация индивида осуществляется именно в рамках этнической культуры. По их мнению, школа должна готовить учащихся к жизни в этническом культурном сообществе, следовательно, необходимо, чтобы учебная программа в большей степени отражала интересы его представителей. Эти идеи вызывают жёсткую критику: в них видят угрозу политической и социальной стабильности общества.

В отличие от радикально настроенных исследователей, сторонники умеренного поликультурализма не отрицают существования единой национальной культуры. Их цель – создать "мозаику" расовых и этнических групп в составе единого целого. Культуры, отличные от исторически доминирующей, должны быть сохранены и по достоинству оценены, в то время как их взаимодействие и приверженность демократическому обществу обеспечат социально-политическую гармонию [18].

По мнению сторонника умеренных позиций Дж. Бенкса, главная цель поликультурного образования – помочь подрастающим

поколениям развить межкультурную компетентность [4, 32]. Несмотря на то, что Дж. Бэнкс поддерживает, поощряет этническое, культурное разнообразие, он выступает за единое государство и единую национальную культуру: уважая и признавая разнообразие, поликультурное образование стремится сформировать нацию – государство, в котором отражены ценности различных групп и культур.

Таким образом, основная разделительная черта между сторонниками различных подходов к обучению на родных языках проходит по вопросу о стандарте: должны ли в обществе стандарты образования, включая учебные планы, программы, содержание дисциплин, быть едиными, унифицированными или целесообразно поддержание государством и обществом множества образовательных стандартов? К каким последствиям и социальным эффектам может привести выбор той или иной стратегии в системе образования.

Одним из основных подходов в этой сфере является ориентация на единый стандарт с терпимостью к частному практикованию различных культур при условии соблюдения общих правил [20, 21].

А. Каспржак по этому поводу разъясняет: «Образовательный стандарт не только обеспечивает единство системы, определяет цели, задачи и содержание образования, но и способствует социальному равенству всех жителей страны, и, как следствие, решает проблему обеспечения равного доступа к качественному образованию всех уровней представителей разных этносов» [13].

Британский исследователь Р. Таббебер в условиях нарастающего культурного разнообразия на основе опыта

руководства деятельностью 100 школ, работающих по независимым образовательным программам в разных странах мира, формулирует несколько важных выводов.

Р. Таббебер уверен, что, с одной стороны, можно согласовать набор базовых ценностей, которые школы будут развивать в условиях разных культур и в условиях их многообразия. С другой стороны, формирование общих ценностей не мешает обучению истории, граждановедения, не мешает гражданскому образованию, то есть не приводит к потере национальной идентичности [27].

Применительно к моделям построения системы образования в условиях признания поликультурности можно выделить три стратегии:

1. Изменение содержания программ, когда основной задачей является включение информации о различных культурных сообществах в учебные программы и материалы с целью повышения знаний студентов об этих группах. В своей простейшей форме, этот тип стратегии означает добавление мультикультурного контекста в стандартный учебный план, и, возможно, включение в повседневную жизнь школы фольклорных фестивалей, знакомство с предметами искусства или историческими героями. В других версиях это может быть более тщательное вписывание поликультурного содержания в темы учебной программы, включающее артикуляцию различных точек зрения и перспектив.

2. Ориентация программ на ученика (студента), когда поликультурное образование понимается как отражение растущего многообразия общества и необходимости решения академических

потребностей определённых групп учеников. Такой подход предполагает скорее не изменения в содержании учебных программ, а такую организацию учебной деятельности, которая, опираясь на разнообразные культурные или языковые особенности и традиции, способна повысить академическую успеваемость учеников из групп меньшинств. Такой подход в своей основе является компенсационным.

3. Социально ориентированные стратегии, направленные на реформу школьного образования и в культурном и в политическом контекстах обучения, ориентированные не просто на повышение успеваемости и увеличение объёма многокультурного знания, а на воздействие к повышению культурной и религиозной терпимости и уменьшению дискриминации. Такой подход предполагает увеличение всех видов контактов между группами: привлечение к учебному процессу учителей из групп меньшинств, совместное обучение детей из различных групп, подчёркивание позитивного социального вклада различных групп в жизнь общества, привитие навыков критического мышления и принятия решений, способствующих преодолению расизма, сексизма и других репрессивных аспектов жизни, рассмотрение вопросов с учётом точек зрения, отличающихся от преобладающей культуры. С этой точки зрения, понятие «поликультурность» синонимично новой доктрине «межкультурного диалога» [6, 10, 11].

Авторы «Белой книги по межкультурному диалогу», созданной на базе длительных и масштабных консультаций представителей государств – членов Совета Европы, организаций гражданского

общества, религиозных сообществ, сообществ мигрантов, местных и региональных властей, считают, что доминировавший до недавнего времени методологический подход, называемый «мультикультурализмом», уже признаётся неадекватным, так как на деле зачастую основывается на том же схематическом видении общества по модели «большинство – меньшинство». Суть такого подхода в поддержке отделения меньшинства вместо ассимиляции в большинство. Хотя концепция мультикультурализма основывалась на благих побуждениях, сегодня она воспринимается как причина развития сегрегации и взаимного непонимания между общинами, а также как подход, потворствующий подавлению прав индивидов в сообществах меньшинств, которые воспринимаются как единые коллективные действующие лица [2].

Задача же заключается в интеграции целых этнических групп, а также каждого конкретного представителя этнической группы. Государства – члены Совета Европы высказали идею о том, что миссия системы образования должна основываться на межкультурном (поликультурном) подходе, обозначающем эмпирический факт существования разных культур и их взаимодействия в рамках определённого пространства и социальной организации. Руководящими принципами современной модели образования являются свобода выбора, свобода самовыражения, равенство образовательных возможностей, толерантность и взаимное уважение человеческого достоинства.

Ни одна модель развития поликультурного образования не применялась ни в одном государстве полностью и в чистом виде.

Внимательный анализ исторического развития позволяет говорить о постоянной борьбе политики ассимиляции и политики мультикультурализма. Как представляется, современный подход межкультурного образования имеет шанс использовать на практике лучшее из старых моделей: из концепции ассимиляции – внимание к отдельной личности, признание свободы самоидентификации, а из мультикультурализма – признание факта многообразия.

Каким путём развития принципов поликультурного образования пойдёт Россия? Вопрос пока остаётся открытым. В 2009 году был подготовлен проект Концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации, разработанный, как указано в преамбуле, с учётом национальных (общегосударственных), национально-региональных и этнокультурных потребностей многонационального народа России. Авторы Концепции полагали, что модернизация российского образования, опираясь на общие тенденции мирового развития, с необходимостью должна отражать интересы российского общества и государства, связанные с формированием российской гражданской идентичности. В этом документе не содержатся слова «миграция», «мигранты», «дети мигрантов». Он ориентирован на развитие поликультурного образования в контексте коренных (титульных) народов страны. Документ этот до сих пор не принят, но в 2010 году по решению МОиН РФ, в рамках федеральной целевой программы развития образования в Республике Татарстан началось апробирование Концепции «Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской идентичности обучающихся

общеобразовательной школы». В Татарстане этот проект трактуется как «поликультурное образование – новый этап развития национального образования»

В соответствии с федеральной программой в 2010-2013 годах предусматривается развёртывание поликультурных образовательных моделей начального и дошкольного, в 2014-2018 годах – неполного общего и в 2019-2020 годах – среднего общего образования. Эксперимент проводится в 50 общеобразовательных школах и 10 детских садах.

Ещё одно пересечение проблемы миграции и образования в Татарстане в практике организации деятельности многонациональных воскресных школ. Для республики всё, что демонстрирует поликультурность, межнациональный мир, согласие всегда было предметом особой заботы. В республике активно работает Ассамблея народов Татарстана, которую возглавляет председатель Государственного совета Ф.Х. Мухаметшин. Эта общественная организация во многом взяла на себя функции представительства интересов и запросов мигрантов. По словам председателя национально-культурной автономии грузин М.М. Хухунашвили, *«ассамблея народов Татарстана осуществляет свою деятельность по закону для граждан Российской Федерации разных национальностей. Открывать национально-культурную общину имеют право только граждане Российской Федерации... Национально-культурную автономию никак иммигрант не откроет, только граждане. Фактически то, что мы взяли на себя ответственность, обязанность работать с миграционной службой*

ни у одной общины в Уставе это не прописано. По уставу мы должны заниматься просветительской, культурной деятельностью, но не миграционной, у нас это не прописано, это просто мы лишнее взяли на себя, заботу о наших соотечественниках, которые попадают в проблемные ситуации, когда нужно отслеживать эту ситуацию. А организации, которая занималась бы конкретно мигрантами, у нас нет».

Ассамблея народов Татарстана получает значительную не только политическую, но и финансовую поддержку властей. Наверное, нигде в стране за последние годы не было построено специального здания – Дома дружбы народов. Более четырёх тысяч квадратных метров и пять этажей, на которых размещены кабинеты национальных общественных организаций и сотрудников Исполкома Ассамблеи народов Татарстана, концертный зал почти на 300 мест, зал торжеств на 100 мест, в котором проводятся и выставки, конференц-зал на 80 мест, переговорная на 20 мест, редакция журнала "Наш дом – Татарстан", кабинеты сотрудников Дома Дружбы, информационный центр, костюмерная, хореографический зал, музей Дружбы, гримёрные и раздевалки для артистов. Здесь же размещены 6 классов работающей с 1995 года Многонациональной воскресной школы.

В многонациональной школе действуют 21 отделение: украинское (изучение языка), хинди (язык и хореография), польское (язык), кыргызское (язык), армянское (язык и география), грузинское (язык, фольклор, история) и другие. Филиалы "МВШ" работают в нескольких казанских школах, в Немецком доме РТ, в узбекском и

еврейском центрах, в Казанском государственном университете культуры и искусств. Также в Доме Дружбы народов Татарстана педагоги МВШ обучают азербайджанским, чеченским, индийским, башкирским, вьетнамским и грузинским танцам. Здесь созданы условия для сохранения и развития самобытной культуры, искусства, языка и литературы, традиций и обычаев любой национальности. Школа работает, по существу, как клуб по интересам. Фольклорные ансамбли, состоящие из учеников отделений Центра образования, принимают активное участие во многих праздничных и благотворительных мероприятиях.

Всего в Татарстане существуют 30 воскресных школ, которые охватывают 1080 детей 28 национальностей. Обучение во всех школах для семей бесплатное.

Количество учащихся казанской школы в последние годы имеет тенденцию к сокращению: если ещё в 2010-2011 учебном году здесь занимались 376 человек (270 из них – дети до 16 лет), то в 2011-2012 году – 350 (из них 320 детей), а в 2012-13 учебном году – 326 (детей до 16 лет – 203). Эту тенденцию директор М.М. Хухунашвили объясняет тем, что школа в 2010 году перерегистрировала свой Устав, стала детским учреждением. *«Студентов, тех, кому больше 18 лет, мы потеряли»*, – сетует директор школы. Но переезд школы в новое здание в центре города, создание лучших, более привлекательных условий привели к увеличению в контингенте учащихся детей из семей постоянных жителей Казани, представителей титульных народов. А это лучшая модель образования.

Образование для взрослых: может ли трудовой мигрант получить новую компетенцию?

Низкий уровень общего образования и профессиональной квалификации значительной части иностранных работников – проблема общепризнанная. При привлечении мигрантов к малоквалифицированной работе она не актуализирована. В тех случаях, когда речь идёт об отраслях и видах работ, которые требуют знаний, умений и навыков, эта проблема становится одной из главных. Как решаются проблемы обучения и повышения квалификации иностранных работников?

В Татарстане фактически отсутствует система профессиональной подготовки и переподготовки мигрантов. В Европейской Конвенции «О правовом статусе трудящихся мигрантов» определено, что трудящиеся-мигранты и члены их семей, которые были на законных основаниях допущены на территорию Договаривающейся Стороны, имеют на той же основе и на тех же условиях, что и национальные трудящиеся, право на общее образование и профессиональную подготовку и переподготовку и им обеспечивается доступ к высшему образованию в соответствии с положениями, регулирующими в общем плане приём в различные образовательные заведения в принимающем государстве. Эта конвенция Россией не ратифицирована. Поэтому решение проблем профессиональной подготовки становится фактически задачей работодателя. В тех случаях, когда набор иностранных работников осуществляется с использованием услуг посреднических

организаций, обучение кадров обговаривается изначально: *«На заводах, когда мы договор заключаем... Я говорю, завода автозапчастей в Таджикистане нет, я таких специалистов вам не найду. Я привезу вам людей, которые говорят на русском языке, понимают, что нужно делать и вот их обучайте, если вам надо. Вот они и обучают»* (Интервью с директором Центра социально-правовой помощи мигрантам РТ М.Б. Ходжиевым).

Для работы в сфере городского электрического транспорта первых иностранных работников – 40 человек из Таджикистана – пригласили в Казань в 2006 году. В первую очередь приглашали на работу водителей 1 и 2 класса со стажем работы не менее 10 лет. По словам руководителей МУП «Метроэлектротранс», в запуске казанского метро значительная роль принадлежала машинистам ташкентского метро, приехавшим на работу в Казань. Но приехали вместе с ними и те, кто не владел профессией. По словам работников кадровых служб, много было таких людей, у которых проблемы с начальным образованием. Таких мигрантов, приехавших для работы на городском транспорте, начали обучать в профессиональном лицее МУП «Метроэлектротранс» на водителей трамваев и троллейбусов. Мигрантов обеспечили общежитием, стипендией, на время учебы устроили на подсобные работы в ремонтных мастерских. Эта практика была признана успешной.

Нормативная база образовательных организаций с тех пор изменилась: приём обучающихся в профессиональный колледж требует теперь признания Рособрнадзором эквивалентности документов об образовании. Мигранты часто не могут представить

документы об общем образовании. Профессиональное обучение мигрантов теперь организовано на базе Учебного центра МУП «Метроэлектротранс». Иностранным гражданам предприятие предлагает заключить ученический договор, согласно которому они обязуются после получения профессии водителя трамвая или троллейбуса отработать на предприятии 3 года. Трудовой мигрант имеет право заключить договор не сразу, а после месяца занятий для того, чтобы он мог оценить свои возможности и желание работать в этой сфере.

Как говорят сотрудники предприятия, обучение иностранных граждан – это на сегодняшний день единственный способ решить кадровую проблему в городском общественном транспорте. Российские граждане не идут на эту работу: несмотря на то, что заработная плата фактически в 1,5 раза выше, чем средняя по региону, эта работа считается не престижной. Поэтому тенденция к сокращению квот и принятые Государственной Думой России поправки в федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и КоАП, согласно которому водителям такси и общественного транспорта можно будет работать только с российскими удостоверениями, вызывают у транспортников озабоченность. Пока МУП «Метроэлектротранс» организовала занятия для иностранных работников по программе освоения правил дорожного движения, занятия проходят ежедневно, включая субботы и воскресения. Значительная часть трудовых мигрантов, работающих на общественном транспорте, уже успешно сдали экзамены.

Самое большое количество иностранных работников заняты в сфере строительства. В докризисный (2008) период в республике была налажена система подготовки мигрантов на различных курсах профессионального образования рабочих для строительной отрасли. В подведомственных Министерству труда, занятости и социальной защиты РТ учреждениях «Профессиональное училище №54» и «Профессиональный лицей № 33» в 2007 году, например, получили специализированное образование 842 мигранта из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Обучение проводилось на основе договоров между образовательными учреждениями и организациями, привлекающими иностранных работников по рабочим профессиям. Среди организаций, активно сотрудничающих с учебными заведениями, были ООО «Эльмак», ЗАО «Баминженерия», ООО ПСК «Усяпы», ООО «Содействие», ООО «Атол», ООО «ЭЛГРА», ООО «Оримекс-Сувар», ООО «Стройком», ООО «ТНК», ООО «Сараево».

Экономический кризис привёл к прекращению этой практики. Сейчас работодатели не могут финансово участвовать в профессиональном обучении своих работников из числа иностранных граждан. Профессионального училища № 54 уже нет. Профессиональный лицей № 33 ликвидирован путём присоединения к Казанскому строительному колледжу. В этом учебном заведении для мигрантов краткосрочных программ по обучению рабочим строительным профессиям в настоящее время нет.

Важной проблемой для иностранных работников является изучение русского языка. С 1 января 2012 года в стране введено

обязательное тестирование по русскому языку для иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность в сфере ЖКХ, розничной торговли или бытового обслуживания. От необходимости представления такого сертификата освобождаются мигранты из стран, в которых русский язык является государственным, или лица, имеющие документы об образовании, подтверждающие знание русского языка (например, дипломы, полученные в советское время). Центров, проводящих тестирование мигрантов, в Татарстане всего четыре, три – в Казани: в Казанском национально-исследовательском техническом университете (КАИ), в Казанском федеральном университете, в Институте экономики, управления и права (негосударственный вуз) и один – в Набережных Челнах при филиале Казанского университета.

Экзамен принимается на платной основе. Стоимость тестирования единая для всей страны и составляет 3000 рублей. Если тестирование будет провалено, за пересдачу надо платить ещё столько же. ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права» разработаны программы обучения русскому языку продолжительностью от 3 месяцев (150 часов) до 6 месяцев (350 часов), а также программы, включающие в себя циклы подготовки по «Основам российского права», «Истории России», «Культуре народов России» и т.д. Платные краткосрочные курсы в Казани, в зависимости от продолжительности, стоят до 10 тысяч рублей. Однако популярностью у иностранных работников не пользуются: *«Люди приехали работать и зарабатывать. Им некогда после работы*

ходить на занятия», – говорят активисты национально-культурных автономий.

В 2012 году в г. Зеленодольске на базе Поволжского фанерно-мебельного комбината реализован проект «Республика Татарстан – страна открытых дверей». В рамках проекта было организовано обучение русскому языку трудовых мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность на комбинате. Обучение продолжалось в течение двух месяцев в свободное от работы время. Обучение прошли 30 граждан Таджикистана.

В 2013 году за счёт средств бюджета или работодателей бесплатных для мигрантов курсов организовано не было. С 2015 года для трудовых мигрантов собираются ввести ещё и экзамены по истории России и законодательству страны. Как нам сообщили в Министерстве труда, занятости и социальной защиты населения на 2014 год заложено финансирование для обучения 100 иностранных работников по программам «История России» и «Законодательство Российской Федерации».

У многих опрошенных трудовых мигрантов, особенно в возрасте до 50 лет, есть желание получить дополнительное профессиональное образование в России (28%). Из этого числа около трети получили бы образование в сфере строительства (31,1%), юриспруденции, экономики (17,6%), транспорта (8,1%), торговли и коммерции, педагогики и психологии (по 6,8%) и других отраслях (рис. 15).



Рис. 15. Распределение ответов на вопрос «В какой сфере Вы хотели бы получить дополнительное образование в России?», %.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что в области обеспечения прав трудовых мигрантов на образование Россия идёт по пути соблюдения международных норм и стандартов. В стране уже есть примеры участия работодателей в профессиональном обучении иностранных работников, в обучении русскому языку, истории и традициям народов. Можно предположить, что общий крен в сторону усиления ответственности работодателей за иностранных работников, приведёт к расширению этих практик. В каких-то вопросах нашей стране, возможно, удастся избежать крайностей и создать систему поликультурного образования с признанием доминирующей культуры. Есть все основания предполагать, что в стране не будут приняты законодательные нормы, ограничивающие права каких-либо детей на образование. Как известно, чужих детей не бывает.

Профессиональная дополнительная подготовка и переподготовка могли бы явиться важной частью социальной интеграции мигрантов. Однако пока есть спрос на неквалифицированную рабочую силу на «сером» рынке труда, и работодателям удобнее использовать неформальные практики, государство теряет не только налоги, но и символический капитал мигрантов, большинство из которых заинтересованы в стабильной работе и способны к профессиональному росту.

Список использованных источников

1. Александров Д. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные / Д. А. Александров, В. В. Баранова, В. А. Иванюшина. – Санкт-Петербург: Изд-во Политех. ун-та, 2011. – 100 с.

2. «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» : [пер. с англ.] / пер. с англ. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – Москва, 2009. – 73 с.

3. Беляева В. Татарстане намерены расселять компактно проживающих мигрантов [Электронный ресурс] / В. Беляева // Intertat.ru. – 2013. – 4 июня. – Режим доступа: <http://www.intertat.ru/ru/obschestvo/item/17505-v-tatarstane-namerenyi-rasselyat-kompaktno-prozhivayuschih-migrantov.html>, свободный.

4. Бенкс Дж. Образование в условиях этнического и расового многообразия: ключи к пониманию [Электронный ресурс] / Дж. Бенкс // Материалы VII конференции «Тенденции развития

образования». – Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/resent/15307718.html>, свободный.

5. Бенхабиб С. Притязания культуры / С. Бенхабиб. – Москва: Логос, 2003. – 229 с.

6. Бессарабова И. С. Определения поликультурного образования / И. С. Бессарабова // *Фундаментальные исследования*. – 2007. – № 12. – С. 478–480.

7. В Москве насчитали 15 тысяч не знающих русского языка школьников [Электронный ресурс] // *Lenta.ru*. – 2011. – 29 сент. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/09/29/children/>, свободный.

8. В России тысячи детей мигрантов остаются без образования [Электронный ресурс] // *Lenta.ru*. – 2011. – 29 сент. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/09/29/children/>, свободный.

9. Взгляд на образование: индикаторы ОЭСР 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/org/hse/iori/oecdedu2012>, свободный.

10. Гаганова О. К. Поликультурное образование в системе общего школьного образования США: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: [Электронный ресурс] / О. К. Гаганова. – Москва, 2003. – 149 с. – Режим доступа: http://www.dissers.info/disser_37574.html, свободный.

11. Гаганова О. К. Поликультурное образование в США: теоретические основы и содержание / О. К. Гаганова // *Педагогика*. – 2005. – № 1. – С. 86–95.

12. Европейская социальная хартия (пересмотренная). Страсбург, 3 мая 1996 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/163.htm>, свободный.

13. Законопроект № 350713-6 «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=350713-6&02>, свободный.

14. Каспржак А. Приветствие участников конференции «Тенденции развития образования» [Электронный ресурс] / А. Каспржак // Материалы VII конференции «Тенденции развития образования». – Режим доступа: [http://\(www.msses.ru/science/conferences/trends/2010/kasprzhak-open-speech.pdf\)](http://(www.msses.ru/science/conferences/trends/2010/kasprzhak-open-speech.pdf)), свободный.

15. Колебакина Е. В России тысячи детей мигрантов остаются без образования [Электронный ресурс] / Е. Колебакина. – Режим доступа: <http://www.grrf.ru/novosti/v-rossii-tysyachi-detej-migrantov-ostayutsya-bez-obrazovaniya.html>, свободный.

16. Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи 20 нояб. 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml, свободный.

17. Миграционный барометр в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baromig.ru/>, свободный.

18. Молодцова В. Москва – столица диаспор или как не повторить судьбу Франции / В. Молодцова // Учительская газета. – 2006. – № 1.

19. Мухарямова Л. М. Феномен национальной школы в социологических ракурсах / Л. М. Мухарямова, Р. А. Андреева. – Казань : Изд-во КГУ, 2008. – 265 с.

20. Никитаев В. Мультикультурализм и машины этничности [Электронный ресурс] / В. Никитаев // Русский журнал. – 2011. – 22 авг. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Mul-tikul-turalizm-i-mashiny-etnichnosti>, свободный.

21. Обама Б. Взятся за реформу образования США: ещё одна сторона американского кризиса? [Электронный ресурс] / Б. Обама // Биржевой лидер. – 2010. – 14 марта. – Режим доступа: http://www.profi-forex.org/country_traders/entry1003142342.html, свободный.

22. Обама Б. Если мы хотим не иметь равных в мире завтра, нужно, чтобы уже сегодня наше образование стало лучшим в мире [Электронный ресурс] / Б. Обама. – Режим доступа: http://www.polit.ru/news/2008/12/23/obama_education.html, свободный.

23. Образование в многоязычном мире. Установочный документ ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/iyl/brochure/monitoring_2002.pdf, свободный.

24. Открытое письмо в адрес Владимира Путина и Дмитрия Медведева // Звезда Поволжья. – 2008. – 14 фев. – С. 4.

25. Савицкая Н. Школьный тест бессмертен. Нобелевская премия достанется тому, кто изобретёт совершенную систему приёма в вузы / Н. Савицкая // Независимая газета. – 2010. – 8 июня. – С. 8.

26. Словецкий В. Мигрантам хотят запретить привозить в Россию детей [Электронный ресурс] / В. Словецкий // Свободная пресса. – 2011. – 5 сент. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/t/47457/?fb22=1>, свободный.

27. Таббебер Р. Образование для поддержки разнообразия: вызов, который должен изменить жизнь школ [Электронный ресурс] / Р. Таббебер // Материалы VII конференции «Тенденции развития образования». – Режим доступа: <http://www.msses.ru/science/conferences/trends/2010/Tabbeber-ralf-education-for-diversity>, свободный.

28. Тишков В. А. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов / В. А. Тишков, Ю. П. Шабает. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 376 с.

29. Туровский Д. Мы нелегалы, дети рабочих [Электронный ресурс] / Д. Туровский // Lenta.ru. – 2013. – 28 окт. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/10/28/children/>, свободный.

30. Уколов Р. Ассалом алейкум, школа: дети мигрантов и российское образование пока не находят общего языка // Р. Уколов // Независимая газета. – 2008. – 16 дек.

31. Хейнеман С. Новые задачи обучения в школе: проблемы образования и социальная сплочённость в странах Азии, Африки, Латинской Америки, Европы / С. Хейнеман, С. Тодорич-Бебич //

Перспективы и сравнительные исследования в области образования: сб. ст. – 2001. – Т. 30, № 1. – С. 76.

32. Banks J. A. Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching / J. A. Banks. – 4th ed. – Boston : Allyn & Bacon, 2001. – 360 p. P. 84.

33. Bhabha J. Arendt's Children: Do Today's Migrant Children have a right to have rights? / J. Bhabha // Human Rights Quarterly. – 2009. – Vol. 31, N 2. – P. 410–451.

34. Christian D. Two-Way Bilingual Education: Students Learning Through Two Languages. Educational Practice Report: 12 / D. Christian. – Santa Cruz ; Washington : National Center for Research on Cultural Diversity and Second Language Learning, 1994. – P. 13. - 20 p.

35. Термин // Encyclopedia of Educational Research. – New York, 1992. – Vol. 3. – P. 870.

36. Faas D. Negotiating political identities: Multiethnic schools and youth in Europe / D. Faas. – Farnham: Ashgate, 2010. – 300 p. – (Monitoring change in education).

37. Freeman R. D. Bilingual Education and Social Change / R. D. Freeman. – Philadelphia : Multilingual Matters, 1998. – 276 p.

38. Gibson M. Bridges to success in high school for migrant youth / M. Gibson, N. Hidalgo // The Teachers College Record. – 2009. – Vol. 111, N 3. – P. 683–711.

39. Holdaway J. Introduction: Educating immigrant youth: The role of institutions and agency / J. Holdaway, R. Alba // The Teachers College Record. – 2009. – Vol. 111, N 3. – P. 597–615.

40. McCargo C. Two-Way Bilingual Immersion Programs in the United States: 1997-1998 / C. McCargo, D. Christian. – Washington : Center for Research on Education, Diversity, and Excellence, 2004. – 386 p. P. 38.

41. Migrant density and well-being—A national school survey of 15-year-olds in Sweden / A. Hjern [et al.] // The European Journal of Public Health. – 2013. – Vol. 23, N 5. – P. 823–828.

5. КАПИТАЛ ЗДОРОВЬЯ МИГРАНТОВ И ДОСТУПНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В социально-экономических и демографических исследованиях широко используется формула, называемая «эффект здоровых мигрантов». Она основана на прагматичном допущении, что в трудовую миграцию вовлекаются люди молодые и здоровые, способные выполнить работу, поскольку других, старых и больных, не привлечёт ни один работодатель или рекрутер, и сами люди без уверенности в своих силах и способности заработать не покидают родину. Однако, несмотря на кажущуюся правильность и непротиворечивость такого подхода, в последние годы международные организации, государства, СМИ, экспертные группы стали говорить о здоровье мигрантов как социальной проблеме. Здоровье мигрантов стало рассматриваться с позиций социальных угроз, в нежелательных, опасных, противоположных природе социально здорового, "нормально" функционирующего общества.

Здоровье и доступность медицинских услуг стали относиться к важным факторам интеграции или дезинтеграции обществ. Какие факты приводятся в доказательство?

Глобальный контекст

Эффективность использования трудовых мигрантов для роста экономики в значительной степени зависит от того феномена, который в экономической науке получил название «капитал здоровья». Чаще всего «капитал здоровья» рассматривается как составная часть человеческого капитала, хотя существует точка зрения и о самостоятельном значении этого понятия. Ведь знания, навыки, позволяющие что-то производить, создавать новые товары или услуги, зарабатывать деньги – это одно, а принципиальная возможность в течение большего количества времени применять (эксплуатировать) эти навыки – совсем другое. Здоровье – базовое условие, позволяющее человеку реализовать свой трудовой потенциал. Поэтому все, что связано с анализом здоровья мигрантов, имеет практическое значение.

Проблема позиции трудовых мигрантов в национальных системах здравоохранения актуальны во всём мире. Академические подходы концентрируются в основном на проблеме обеспечения доступа мигрантов к услугам здравоохранения, обеспечения условий для сохранения здоровья в контексте прав человека. Господствующий в западных странах дискурс условно можно обозначить как дискурс неравенства. Исследования сосредоточены на 2-х основных направлениях, в которых возможно проявление неравенства. Это

распространённость заболеваний среди мигрантов и доступ к услугам здравоохранения [13, 17, 18].

Доказано, что миграция влияет на здоровье [12, 14]. Иммигранты имеют более высокий уровень сердечно-сосудистых заболеваний, колоректального рака и меланомы, чем неиммигранты. В Соединённых Штатах иммигранты имеют более высокую смертность от рака желудка, рака мозга и инфекционных заболеваний. В Израиле сердечные заболевания у иммигрантов заметно более серьёзные, чем у коренного населения. Клинические проявления такого заболевания, как туберкулёз, также значительно выражены у иммигрантского населения. Миграция также влияет на психическое здоровье.

В рамках исследования связи здоровья с международной миграцией проводилось сравнение показателей уровня заболеваемости такими болезнями как рак, сердечно-сосудистые, респираторные, инфекционные заболевания, заболевания желудочно-кишечного тракта и уровня смертности в результате перечисленных недугов, а также несчастных случаев и самоубийств среди мигрантов и местных жителей в стране, выходцами из которой мигранты являются, и в стране принимающей. Результаты исследования показали, что смена окружения, происходящая при переезде в другую страну, серьёзно влияет на здоровье [19].

Классическим примером исследования, проведённого в контексте оценки неравенства в системе здравоохранения, является изучение политики в отношении права на доступ к медицинской помощи для нелегальных мигрантов в 27 государствах – членах

Европейского Союза в 2009 году. Это исследование показало наличие значительных расхождений между членами ЕЭС в реализации права на доступ к медицинской помощи. Авторы сгруппировали государства в 3 группы: в 12 странах нелегальные мигранты могут получить доступ только к неотложной помощи, в 5 странах они имеют право на доступ к уходу, который является более обширным, чем неотложная медицинская помощь, и в 10 странах доступна более полная медицинская помощь. Эти различия, как подчёркивают исследователи, не зависят от системы финансирования здравоохранения или количества незарегистрированных мигрантов.

Авторы приходят к выводу, что различия, скорее, определяются укоренённостью в обществе того, что называют «моральной экономикой», развитостью традиций и принципов социального государства [11]. Выявлено наличие 8 факторов, влияющих на доступность услуг здравоохранения. Это языковые барьеры, трудности в организации медицинского обслуживания мигрантов, социальная депривация и травматический опыт мигрантов, недостаточное знакомство с системой здравоохранения, культурные различия, различное понимание болезни и лечения, негативное отношение персонала медицинских организаций и пациентов, отсутствие доступа к медицинской карте (истории болезни) [16].

Важнейшими факторами риска являются бедность, плохие жилищные условия, тяжёлый, ненормированный труд с факторами вредности. Наложение на плохие социально-экономические условия политических, административных, культурных факторов приводит к ухудшению показателей здоровья мигрантов, потере

трудоспособности, появлению эффекта «истощённого трудового мигранта». С позиций такой перспективы международные организации подчёркивают риски трудовой миграции и для стран исхода, и для принимающих обществ. В первом случае риски связаны с увеличением количества трудовых мигрантов с подорванным здоровьем, возвращающихся для лечения и реабилитации в свои сообщества. В принимающих обществах возрастает опасность распространения социально опасных заболеваний в группах мигрантов вследствие понижения иммунитета, плохого питания, медико-санитарных условий жизни, культурного шока и социального исключения.

В докладе ВОЗ «Право мигрантов на здоровье» отмечается, что, несмотря на то, что здоровье является основополагающим правом человека, большинство стран определяют свои обязательства по отношению к иностранным работникам лишь с точки зрения обеспечения важнейшего (неотложного) вмешательства или ухода в чрезвычайных ситуациях. Даже в отношении официально признанных работников-мигрантов, специальные соглашения, направленные на обеспечение подлинной справедливости при получении доступа к услугам здравоохранения (если сравнивать с гражданами страны), применяются редко. Конгресс США, например, полагая, что законные или незаконные мигранты «слишком активно» участвуют в государственных программах помощи, одобрил ограничение доступа к программам социальной помощи в рамках Закона о реформе незаконной иммиграции и ответственности иммигрантов от 1996 года даже для законных мигрантов [26]. В

настоящее время только очень немногие страны в мире обеспечивают доступ к медицинскому обслуживанию для всех, включая нерегулируемых мигрантов. Это, например, Аргентина, Бразилия, Франция, Португалия и Испания.

Обеспокоенность социальной проблемой здоровья мигрантов выразилась в принятии Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (1990). Этот документ вступил в силу лишь в 2003 году, в настоящее время его подписали и ратифицировали более 40 государств, но все эти страны являются странами происхождения мигрантов. Для этих стран Конвенция является важным инструментом для защиты своих граждан, живущих за рубежом. Ни одна из стран Европы и Северной Америки, принимающих мигрантов, в том числе и Россия, к Конвенции не присоединилась.

Международная организация миграции в докладе, посвящённом исследованию обеспечения медицинской помощи для незарегистрированных мигрантов в Европейском Союзе, отмечает: «Незарегистрированные [undocumented] мигранты выступают объектом возрастающего внимания Европейского Союза как уязвимая группа вследствие высоких рисков здоровья и одновременно как вызов для общественного здоровья. Высокий риск здоровья у мигрантов обусловлен сложностями жизненных и рабочих условий, зачастую характеризуемых нестабильностью, эксплуатацией и зависимостью». Ситуация с медицинским обслуживанием незарегистрированных мигрантов сталкивается, по

мнению авторов отчёта, с парадоксом для организаций, предоставляющих медицинские услуги, выражающемся в том, что если они будут оказывать услуги незарегистрированным мигрантам, они будут действовать вопреки правовым и финансовым нормам, а если они не будут оказывать медицинскую помощь, они нарушат права человека и исключат наиболее уязвимых людей [28].

Статус трудовых мигрантов в российской системе здравоохранения

В российском обществе в последнее время риски для общественного здоровья, которые могут создавать трудовые мигранты, стали популярной темой. Министр здравоохранения России В.И. Скворцова на пресс-конференции в мае 2013 года призвала строже следить за здоровьем приезжающих в Россию мигрантов. По мнению министра, проблема в большом потоке нелегальных мигрантов. В. И. Скворцова подчеркнула, что система здравоохранения не знает о состоянии здоровья этих людей, которые могут быть заражены различными инфекциями и открытыми формами туберкулёза, различными формами болезней, передающихся с кровью [8].

Другой проблемой, связанной с мигрантами, считается усиление нагрузки на систему здравоохранения, вынужденную оказывать медицинскую помощь иностранцам, не участвующим в формировании налоговых поступлений. Около трети всех новорождённых в Москве, согласно информации Департамента здравоохранения Москвы, это дети мигрантов из стран ближнего и

дальнего зарубежья. Руководители московского здравоохранения считают, что такая ситуация приводит к существенному увеличению затрат служб родовспоможения и ухудшению условий и качества оказания медицинских услуг для россиян. Внимание было вызвано не только экономическими аспектами, хотя расходы для столичного здравоохранения ощутимы, но и тем обстоятельством, что женщины-мигрантки обращаются за помощью в самый последний момент, не проходя предварительно никаких обследований. По мнению некоторых экспертов, подобная практика стала выталкивать москвичек в сектор платной медицины.

Такие факты конкуренции за медицинские услуги и угроза заражения матери и ребёнка от необследованных мигрантов, как представляется, привели к ещё большему обострению проблемы в общественном сознании, хотя рост мигрантофобии и до этого наблюдался практически во всех регионах страны. По данным Европейского социального исследования, россияне устойчиво опережают жителей Европейских стран по уровню неприязни к приезжим: если толерантность к приезжим в 22 европейских странах от 4,5 до 6,1 (при максимальной 10-балльной оценке), то в России – 3,4.

Одновременно можно констатировать, что экономика страны пока не может отказаться от привлечения иностранных работников. В Концепции государственной миграционной политики РФ, принятой летом 2012 года, отмечено, что миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. За последние два десятилетия

миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Россия и в будущем будет нуждаться в привлечении рабочей силы. В соответствии с Концепцией демографической политики РФ предполагается к 2016 году обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек в год, к 2025 году – более 300 тыс. человек. Сегодня по числу мигрантов Россия занимает второе место в мире. По данным ФМС, ежегодно в Россию приезжают около 13-14 млн. иностранцев. При этом темпы миграции растут, число прибывших за период с января по июль 2012 года на 25% больше, чем за тот же период 2011 года [1].

Миграция, особенно незаконная, несёт серьёзную угрозу санитарно-эпидемиологической безопасности страны. И в то же время в России не созданы условия, позволяющие в полной мере легальному мигранту, не говоря уже о нелегальном, реализовать право на здоровье и медицинское обслуживание. Как сегодня государство решает проблему здоровья мигрантов в контексте обеспечения безопасности для общества и соблюдения прав человека?

По российскому законодательству, человек, приехавший из страны, с которой Россия поддерживает безвизовый режим (это страны СНГ), может быть лишён права въезда на территорию РФ, если у него отсутствует медицинский полис. Но по словам наших экспертов – сотрудников Федеральной миграционной службы (ФМС) по Татарстану, на практике эта норма не соблюдается. В законе не утверждён орган государственной власти, ответственный за реализацию требований в части въезда иностранных граждан в

порядке, не требующем визы. При этом специалисты Роспотребнадзора отмечают, что действующий порядок оформления страхового полиса временно пребывающего в РФ не требует предоставления медицинских документов о состоянии здоровья. Согласно закону "О правовом положении иностранных граждан в РФ" срок временного пребывания не может превышать 90 суток, однако может быть продлён до окончания срока действия договора до 1 года. Таким образом, мигранты не обязаны представлять справку о своём здоровье сразу после появления в стране и могут не проходить медицинское обследование, находясь на территории РФ в поисках работы до 90 суток.

При въезде на длительный срок мигрант должен в течение месяца после регистрации в ФМС и оформления договора с работодателем предъявить справку об отсутствии у него опасных инфекционных заболеваний. Сотрудники ФМС считают, что зарегистрированного работника заставить прийти через месяц со справкой невозможно, поэтому на практике применяют принцип «сначала медосмотр, потом регистрация». Анализ блогов, интервью с мигрантами, даже с такими группами, как студенты из стран ближнего и дальнего зарубежья, показывает, что прохождение медицинского исследования по правилам требует большого количества времени и часто сопряжено с дискриминацией со стороны медицинского персонала. До 2007 года мигранты были обязаны проходить медобследование только в государственных учреждениях, но Федеральная антимонопольная служба усмотрела в этом нарушение свободы предпринимательства и разрешила

коммерческим клиникам также выдавать справки. В результате часть трудовых мигрантов, по их свидетельствам, просто покупают справки.

В России проведением медосвидетельствования иностранных граждан занимается 1981 медицинская организация в 83-х субъектах РФ. Всего с 2007 года по сентябрь 2012 года медицинское освидетельствование прошли 5,4 млн. человек. За этот период выявлено 7973 ВИЧ-инфицированных, 15805 больных туберкулёзом, 19273 человек с инфекциями, передающимися половым путём [19]. Эксперты также обращают внимание на то, что, по сведениям Роспотребнадзора, из 2,6 млн. человек, прибывших в Россию в 2011 году, обследованы 1,07 млн. человек. Таким образом, усматривается тенденция приёма на работу мигрантов без документов о прохождении медицинского освидетельствования.

Статус мигранта в России как пациента определяется Правилами оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации, утверждёнными Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 года № 186. Согласно этому документу медицинская помощь иностранным гражданам, временно пребывающим (временно проживающим) или постоянно проживающим в РФ, оказывается любыми медицинскими организациями независимо от их организационно-правовой формы. Правила закрепляют положение, согласно которому медицинская помощь в экстренной форме при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента,

оказывается иностранным гражданам медицинскими организациями бесплатно. Медицинская помощь в неотложной или плановой форме оказывается иностранным гражданам в соответствии с договорами о предоставлении платных медицинских услуг либо договорами обязательного или добровольного медицинского страхования.

Иностранные граждане, являющиеся застрахованными лицами в соответствии с Федеральным законом "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации", имеют право на бесплатное оказание медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования.

Таким образом, законодательство РФ гарантирует иностранным гражданам бесплатное оказание скорой медицинской помощи. Такой порядок, наряду с «эффектом здорового мигранта», предопределяет крайне низкую заинтересованность как мигрантов, так и работодателей.

С 2010 года в стране отменены взносы работодателей за мигрантов в Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС). Как рассказывает начальник отдела капитального строительства бюджетного учреждения в Казани (мужчина, 50 лет), *«...до 2012 года руководители коммерческих фирм за иностранного работника ни в один из фондов взносы не платили. В 2012 г. заставили платить в пенсионный фонд, хотя на пенсию они у нас вряд ли останутся... Выгода не только в том, что мигранты работают по 12-16 часов за зарплату, на которую наши не пойдут, но ещё прямая экономия на социальных налогах. Никто при существующих правилах здоровьем мигрантов заниматься не будет.*

Они сами за себя отвечают. Пока здоровы, работают, деньги получают, заболел – уезжай домой».

Таким образом, медицинское обслуживание мигрантов осталось за пределами государственного регулирования. По мнению экспертов, менее 10% женщин и около 30% детей мигрантов имеют доступ к бесплатной медицине в России [26]. В стране нет механизма, позволяющего без нанесения ущерба государственной системе здравоохранения обеспечить права мигрантов на доступность медицинских услуг. Лидер одной из национально-культурных диаспор, тесно сотрудничающий с работодателями, отметил, что условия медицинской страховой компании, предлагающей договор на групповое обслуживание иностранных работников, не вполне понятны и выглядят невыгодными. Для мигрантов остаётся неясным вопрос, почему, выплачивая налоги, они не имеют право на медицинское обслуживание: *«Полисов вообще нет. Хотя у нас работодатели платят, а почему-то им не дают полис ОМС. За них, как и за граждан России, мы, работодатели, платим. У них ведь есть разрешение на работу. Раньше было, начиная с 2009 года уже не дают»* (интервью по проекту с лидером одной из национально-культурных диаспор).

Другой респондент отметил, что мигранты вынуждены оплачивать ежемесячно страховку, стоимостью 800 рублей, но она даёт возмещение оплаты лечения только повреждений, возникших в результате несчастных случаев, но не хронических заболеваний. В результате проведённого исследования выяснилось, что ни у мигрантов, ни у лидеров диаспор, ни у работодателей нет чёткой

картины, каким образом должно осуществляться медицинское обслуживание иностранных работников, какова роль в этих мероприятиях государственных органов, где проходят границы ответственности работодателей, что должны делать сами трудовые мигранты.

Летом 2013 года Минтруда России предложил сделать медицинский полис одним из главных документов, дающих основание для заключения трудового договора в России. Мигрант может его приобрести сам или за него это может сделать работодатель. Медицинская страховка должна покрывать услуги по оплате лечения, включая лечение от инфекционных болезней, профилактические прививки, профилактические и противоэпидемические мероприятия. Наши респонденты – и работодатели, и трудовые мигранты – активно выступили против этого нововведения. Работодатели прямо заявляют о невозможности увеличения своих издержек, говорят, что фактически их работники не болеют, *«не для этого они сюда приехали»*. Представители бизнеса считают, что эта инициатива продиктована не столько заботой о здоровье мигранта и обеспечением для него достойного медицинского обслуживания, сколько желанием *«ввести дополнительные сборы, а мигрантов, как лечили за наличные, так и будут»*. Трудовые мигранты считают, что страховки для них будут чересчур дороги. Аналогичные опасения отражены в документе по результатам публичных консультаций, опубликованном на сайте Минэкономразвития России. В документе отмечено, что, по мнению экспертов, для многих трудовых мигрантов цена полиса покажется

неподъёмной, что может привести к значительному увеличению теневой занятости. Кроме того, возможен массовый поток фальшивых полисов, на проверку которых работодателям придётся потратить дополнительные средства [4].

Есть и другие предложения по изменению правил регистрации. Предлагается обязать иностранного гражданина до получения разрешения на работу представлять в ФМС медицинское заключение с целью предупреждения распространения инфекционных болезней. Такой порядок недопущения к работе без медицинского освидетельствования предлагается распространить и на иностранных граждан, работающих по патенту. Сейчас иностранный гражданин может работать по патенту на территории России в течение двенадцати месяцев, при этом от него не требуется предоставлять информацию о состоянии своего здоровья, хотя это, как правило, люди, работающие в домашнем хозяйстве, с детьми. Эпидемиологи требуют расширения перечня медицинского обследования с включением в него всех форм вирусного гепатита и брюшного тифа. Предлагается ввести обязательство по представлению в медицинскую организацию сведений о выполненных по месту постоянного жительства профилактических прививках.

Предлагается создать центры медицинского освидетельствования для мигрантов, приезжающих в Россию для выявления социально значимых заболеваний, представляющих риск для здоровья россиян. Эти центры должны работать в странах проживания мигрантов на базе центров содействия иммиграции в РФ.

Изменению ситуации должно способствовать создание единой межведомственной электронной базы о трудовых мигрантах и состоянии их здоровья. Опыт создания такой базы есть в Санкт-Петербурге. Это стало результатом совместных усилий ФМС, Роспотребнадзора, петербургского комитета по здравоохранению и ФГУП "Паспортно-визовый сервис" ФМС России. Такая электронная база даёт возможность не только более глубокого анализа здоровья мигрантов, но обеспечивает и усиление контроля за медицинскими организациями, выдающими справки, с тем, чтобы полностью исключить возможность покупки или подделки документа.

Здоровье мигрантов: объективные данные

В настоящее время в России явный дефицит медицинской информации о здоровье мигрантов и их доступе к медицинскому обслуживанию. Сегодня ни одна государственная служба не ведёт полный учёт заболеваемости иностранных работников. Обязанность информировать Роспотребнадзор и ФМС у медицинских организаций возникает только в случае выявления опасных для окружающих заболеваний. Все остальные обращения мигрантов остаются за пределами государственной статистики. Примерно такая же ситуация в странах ЕС: в большинстве стран нет информации о здоровье мигрантов. При регистрации смерти разбивку по статусу мигранта проводят в 24 из 27 стран – членов ЕС. Реестры данных о предоставлении услуг здравоохранения лицам, имеющим статус мигранта, доступны только в 11 из 27 государств – членов ЕС. Лишь немногие страны проводят крупномасштабные обследования

здоровья мигрантов и использования в их интересах ресурсов здравоохранения.

В рамках настоящего исследования нам не удалось в открытых источниках, в Министерстве здравоохранения Республики Татарстан, в региональном управлении ФОМС получить информацию в форме, позволяющей анализировать проблемы здоровья мигрантов или расходов бюджета на медицинскую помощь мигрантам. Такая статистика просто отсутствует. Учёт заболеваемости ведётся по отдельным нозологиям в конкретных медицинских организациях. Счета-реестры в ФОМС подаются как на пациентов без полиса.

Медицинское освидетельствование, как было отмечено, в России проходят не все трудовые мигранты. Не обращаются для проверки в медицинские организации, прежде всего, нелегальные мигранты и второй значительной группой необследованных являются лица, прибывшие в Россию на срок до 90 суток и получающие патент на работу у физических лиц. В выборку данного исследования попали лишь чуть более 5% лиц, работающих по патенту, что объясняется трудной доступностью этой категории. По данным Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Татарстан медицинское освидетельствование за период с 2007 по 2012 год ежегодно проходили от 14 до 28% вставших на миграционный учёт [2].

Можно ли с уверенностью утверждать, что в группе трудовых мигрантов, не прошедших медицинское освидетельствование, заболеваемость выше? В печати появились сообщения, что 14% трудовых мигрантов больны туберкулёзом, ВИЧ, сифилисом,

гепатитами, другими инфекциями, передающимися половым путём [3]. Однако анализ данных по Республике Татарстан и по другим регионам страны не даёт оснований для таких выводов. Как следует из данных, представленных в табл. 2, заболеваемость мигрантов остаётся стабильной. Насколько она опасна для здоровья населения республики?

Таблица 1

Количество обследованных мигрантов и выявленных у них инфекционных заболеваний по Республике Татарстан за 2008-2012 годы (в абсолютных числах)

| | 2008 | 2009 | 2010 | 2011 | 2012 |
|---|-------|-------|-------|-------|-------|
| Всего обследовано, чел. | 26245 | 14342 | 16596 | 17870 | 21474 |
| Выявлено заболеваний, <i>в том числе</i> | 688 | 437 | 305 | 165 | 606 |
| Туберкулёз | 87 | 36 | 37 | 34 | 53 |
| Сифилис | 90 | 32 | 30 | 48 | 74 |
| ВИЧ | 19 | 20 | 16 | 8 | 20 |
| Другие ИППП | 492 | 349 | 222 | 54 | 478 |

По данным Всемирной организации здравоохранения, среди впервые выявленных больных туберкулёзом в России число иностранных граждан невелико. В 2011 году оно составило 2,7%, все остальные случаи (97,3%) пришлись на граждан России [5].

В 2012 году новых случаев заболеваемости туберкулёзом у постоянных жителей Республики Татарстан было выявлено 1816. Являются ли 53 случая туберкулёза у мигрантов (2,9%) критическими, вопрос, требующий обсуждения. Интервью с докторами-фтизиатрами убеждают, что главную опасность специалисты видят не в мигрантах, а в лицах, освободившихся из мест заключения. Аналогичная картина по другим инфекциям: количество новых случаев ВИЧ-инфекции среди местного населения в 2012 году – 1395, в группе мигрантов – 20; новых случаев по сифилису – 1099 и 74. Примерно такая же картина в других субъектах федерации. По официальным данным департамента здравоохранения Москвы, например, в 2011 году из 20 тысяч обследованных мигрантов туберкулёз выявлен у 0,3% (60 человек), в 2012 году – у 125 человек из 29,8 тысячи обследованных, или у 0,4%.

Обращает на себя внимание то, что среди трудовых мигрантов едва ли не меньше, чем среди постоянного населения, лиц, употребляющих наркотики или алкоголь. По свидетельству сотрудников Республиканского наркологического диспансера Министерства здравоохранения Республики Татарстан, наркоманов среди мигрантов, проходящих на обследование, практически нет. Та же картина в других регионах. В Москве, например, с 1 февраля 2013 года было введено обязательное платное тестирование на наркотики и алкоголь среди мигрантов, желающих получить разрешение на работу в столице. За это время тесты сдали около 2 тыс. человек. За 8 месяцев эксперимента ни один тест не оказался

положительным [7]. Мэрия Москвы приняла решение об отмене этого требования.

При обнаружении сифилиса, ВИЧ-инфекции, туберкулёза мигранту предлагается лечение по полису медицинского страхования или, при отсутствии полиса, на платной основе. При отказе от лечения – медицинскими организациями собираются документы для предоставления в Роспотребнадзор и УФМС для принятия решения о выдворении иностранного работника из страны.

Показатели обращаемости иностранных граждан за медицинской помощью в государственные медицинские организации получены путём обработки первичных отчётных форм, представленных в Республиканский медицинский информационно-аналитический центр (табл. 2).

Таблица 2

Обращаемость иностранных граждан за медицинской помощью в медицинские организации государственной системы здравоохранения в Республике Татарстан (*платные услуги)

| Обратившиеся за медицинской помощью | 2012 год | | | | I полугодие 2013 года | | | |
|---|----------|----------|----------------------------|----------|-----------------------|----------|----------------------------|----------|
| | Все-го | Вне ОМС* | В том числе без полиса ОМС | Вне ОМС* | Все-го | Вне ОМС* | В том числе без полиса ОМС | Вне ОМС* |
| В амбулаторно-поликлинические медицинские организации | | | | | | | | |
| Беженцы | 92 | 1 | 4 | 0 | 34 | 1 | 5 | 1 |
| Граждане, имеющие вид на жительство | 219 | 11 | 26 | 4 | 319 | 7 | 10 | 1 |
| Иностранные граждане | 2584 | 2389 | 2560 | 2386 | 930 | 729 | 876 | 729 |

| В стационарные организации | | | | | | | | |
|-------------------------------------|-----|----|-----|----|----|---|----|---|
| Беженцы | 2 | 0 | 1 | 0 | 1 | 0 | 0 | 0 |
| Граждане, имеющие вид на жительство | 99 | 5 | 5 | 5 | 60 | 0 | 0 | 0 |
| Иностранцы граждане | 213 | 43 | 205 | 40 | 67 | 9 | 66 | 9 |

В разрезе конкретной медицинской организации ситуация выглядит следующим образом. За 9 месяцев 2013 года, например, в стационар ГАУЗ «Городская больница № 11» г. Казани (средняя по размерам, «рядовая» городская больница, расположенная в малопрестижном районе, принимающая пациентов по скорой помощи) поступили по скорой помощи 21 иностранный гражданин без полиса ОМС: 6 – в терапевтическое отделение, 14 – в гинекологию, 1 – в хирургию. Средняя длительность пребывания этих больных в стационаре – 3 дня. 8 женщин пролечились в гинекологическом отделении на платной основе.

Анализ данных таблицы № 3 показывает, что в 2012 году вне системы платных услуг и без полиса ОМС медицинские услуги в амбулаторно-поликлинических организациях получили 195 человек, в стационарах – 162 человека. За первое полугодие 2013 года – 147 и 57 соответственно. К сожалению, не удаётся выявить, какую долю среди них составляют трудовые мигранты, может, в это число входят и другие категории иностранных граждан, например, студенты. Велико ли это число? По оценкам экспертов, в экономике республики около 150 000 мигрантов. Доля получивших медицинскую помощь за счёт средств бюджета республики составляет чуть более 0,2% от общего количества работающих мигрантов.

Субъективное здоровье как фактор адаптации мигрантов

Важной задачей нашего исследования было определение субъективного здоровья мигрантов. Здоровье, наряду с образованием и профессиональными компетенциями, является неотъемлемой частью человеческого капитала. При этом мы исходили из того, что самооценка здоровья тесно связана с объективным состоянием здоровья и этот показатель имеет относительно универсальное значение (смысл) для всех этнических групп. Важным является то, что неоднократно доказана связь самооценки здоровья и риска ранней смерти [10].

В нашем исследовании состояние своего здоровья как «отличное» оценили 30,7% опрошенных мигрантов, «хорошее» – 51,9%, «среднее» – 16,2%, вариант «плохое» выбрали чуть более 1%.

Таким образом, мигранты в целом оптимистично оценивают состояние своего здоровья, что, скорее всего, связано с проявлением так называемого «эффекта здоровых мигрантов». Это понятие исходит из допущения, что в трудовую миграцию вовлекаются люди молодые и здоровые, способные выполнить работу, поскольку других, старых и больных, не привлечёт ни один работодатель или рекрутер, и сами люди без уверенности в своих силах и способности заработать не покидают родину [6].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что результаты самооценки здоровья мигрантами не сильно отличаются от результатов, полученных в исследованиях самооценки здоровья россиян по общефедеральной выборке. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ

ВШЭ» (RLMS-HSE) в группе респондентов 14-60 лет 42% оценили своё здоровье как хорошее и очень хорошее, 52% – как нормальное, 6% – как плохое [1]. Имеющиеся различия можно объяснить большей долей лиц старше 50 лет в исследовании россиян по сравнению с группой мигрантов.

Подобные результаты были обнаружены и в других работах [5]. О.А. Кислицина в исследовании, посвящённом анализу различий в состоянии здоровья мигрантов в России и в странах Европейского Союза, на основе статистической обработки данных Европейского социального исследования (European Social Survey) и Российского мониторинга экономического положения и здоровья, приходит к заключению, что в России не были найдены статистически значимые различия в состоянии здоровья мигрантов и коренных жителей. Такие значимые различия между здоровьем коренных жителей и мигрантов первого поколения обнаружены в Швеции и Великобритании, более чем двукратные различия наблюдаются в Словакии, Нидерландах, Франции, Дании, Чехии, Швейцарии. По мнению исследователя, это, вероятно, объясняется тем, что большая часть мигрантов, попавших в выборку обследования, прибыла в Россию, в основном, из стран бывшего СССР со схожим состоянием здоровья, таких как Украина, Беларусь, Казахстан, при этом ещё во времена СССР. Очевидно, пишет О.А. Кислицина, что трудовые мигранты, прибывшие в Россию в последние годы из стран Азии, в выборку не попали.

Однако в случае нашего исследования выборка принципиально иная. В нашей выборке 87% респондентов представляют страны Азии и Кавказа: граждан Узбекистана – 33,6%, Таджикистана – 23,6%,

Кыргызстана – 5,3%, Азербайджана – 13,3%, Армении – 4,4%, Грузии – 1,8%. Граждане Украины составили 9,4% выборки. Более половины наших респондентов с трудом и «средне» владеют разговорным русским языком (52%), письменным – 87%. К сожалению, о гомогенизации различий на постсоветском пространстве уже трудно говорить. Наиболее высоко состояние своего здоровья оценивают выходцы из Армении и Молдовы (варианты «отличное» и «хорошее» выбрали 100% респондентов), выбор граждан Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Грузии примерно одинаков: от 81 до 86% показывают высокое субъективное здоровье. Самые низкие оценки у выходцев из Киргизии и Казахстана (66 и 70% выбрали «отличное» и «хорошее», остальные «среднее»).

На наш взгляд, близость показателей субъективного здоровья россиян и мигрантов детерминирована не столько особенностями стран исхода мигрантов, сколько низкой самооценкой здоровья постоянного населения России. Согласно расчётам О.А. Кислициной, респонденты с самым плохим здоровьем согласно средней оценке здоровья по пятибалльной шкале проживают в Украине (3,1), России (3,2), Латвии (3,3) [5].

Отношение мигрантов к медицинскому страхованию и к платным медицинским услугам

Результаты анкетного опроса мигрантов показывают их крайне низкую вовлеченность в систему медицинского страхования. В нашем исследовании только 26,9% опрошенных указали на наличие полиса, большая часть респондентов (73,1%) не имеют полиса

медицинского страхования. Женщины более активно участвуют в медицинском страховании: среди них застрахованных почти половина (44%), в то время как только каждый пятый мужчина имеет страховку. Наличие медицинского полиса практически незначительно зависит от сферы трудовой занятости мигранта: больше всего застрахованных в торговле (31,2%), на транспорте (30%) на предприятиях общественного питания (27,3%). В строительстве, где, как представляется, более тяжёлые условия труда и больше факторов вредности, только 23,2% опрошенных мигрантов имеют медицинские полисы.

Почти треть застрахованных получили полис благодаря помощи работодателя, каждый пятый воспользовался помощью родственников и друзей, 47,9% самостоятельно вступили в систему медицинского страхования.

Наличие полиса почти не зависит от самооценки здоровья мигранта: самая большая доля застрахованных в группе, оценивающих своё здоровье как хорошее – 25,6%, самая низкая в группе, в группе выбравших вариант «среднее» – 23,7%.

В случае заболевания к врачу обращаются около 40% мигрантов, самолечением занимаются 48%, 12% – ничего не предпринимают (рис. 16). По этому вопросу наблюдаются незначительные гендерные различия. Среди женщин на 7% больше тех, кто в случае болезни обращается к врачу (44,9 и 37,8% соответственно), на 10% меньше ничего не предпринимающих (5,1 и 15%). Самолечение среди женщин (50%) и мужчин (47,2%) распространено практически одинаково.



Рис. 16. Распределение ответов на вопрос «Что Вы предпринимаете, когда болеете, находясь с России?», %.

Ответы на вопрос «Если Вы обращались к врачу, то к какому?» выявили следующее. Почти каждый третий респондент (32,9%) получил бесплатную медицинскую помощь (по медицинскому полису) в городской поликлинике. Другая крупная часть респондентов (29,5%) обратились в платную клинику. 22% мигрантов указали, что им бесплатную медицинскую помощь оказал знакомый врач. Платную медицинскую услугу в городской поликлинике получили 16,2% респондентов (рис. 17).

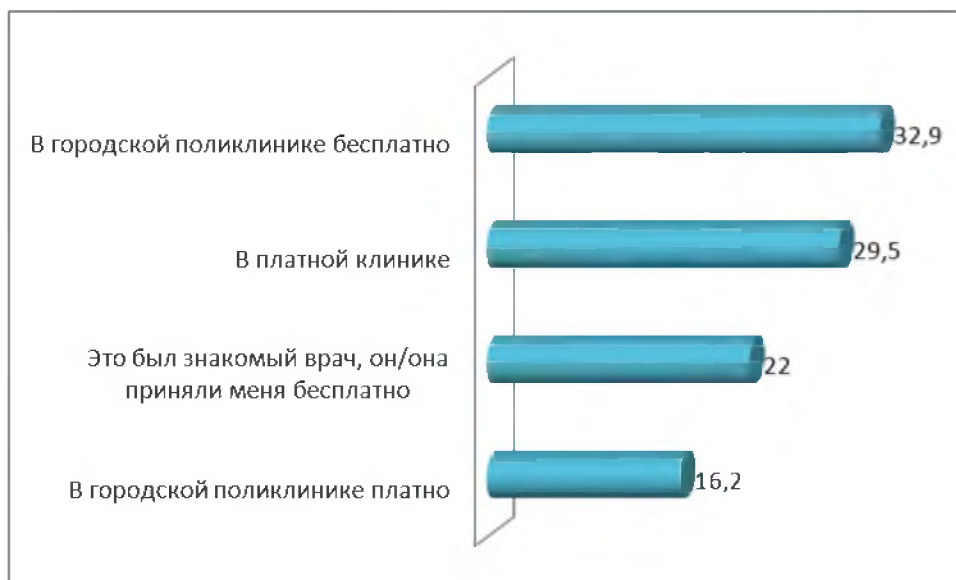


Рис. 17. Распределение ответов на вопрос «Если Вы обращаетесь к врачу, то к какому?», %.

Стратегия поведения во время болезни напрямую зависит от наличия страховки. Так, 91% застрахованных за медицинской помощью обратились в городскую поликлинику и получили её бесплатно, мигранты, не имеющие полиса, практически в равных долях назвали обращения к знакомому врачу, в платную клинику и в платные отделения государственных медицинских организаций.

Казалось бы, то обстоятельство, что трудовые мигранты пользуются в основном платными медицинскими услугами, должно поставить их в статус клиента. На самом деле это не всегда так. Напротив, часто мигранты оказываются в роли «недобровольного клиента», вынужденного обратиться за профессиональной помощью.

Недобровольный клиент появляется и в тех случаях, когда из-за незнания языка, неумения ориентироваться в местных условиях мигранты прибегают к помощи «знакомых врачей», квалификация которых может вызывать вопросы. Один из наших респондентов

рассказал о том, что несколько лет турецкие строители обращались за медицинской помощью к турецкому гражданину, отчисленному из Казанского медицинского университета за неуспеваемость. Чаще всего «доверенными» врачами оказываются представители своей диаспоры, но бывает, что и российские доктора специализируются на таких клиентах.

Формированию партнёрских, доверительных отношений между медицинским работником и трудовым мигрантом препятствует невозможность для незастрахованного работника оформить больничный лист. Поэтому невыполнение трудовым мигрантом рекомендаций врача – это не столько проявление автономности пациента-клиента, сколько объективное отсутствие условий: клиент снова недобровольный.

Врачи городских больниц характеризуют мигрантов, получавших лечение в их организациях, как самых обычных больных. *«Чаще очень тихие, уважительные, – рассказывает старшая медицинская сестра гинекологического отделения городской больницы, – женщины стараются во всем услужить, помочь. Иногда мужья бывают грубоваты. Ну, это как у всех. А так, люди как люди».*

В целом можно констатировать, что мигранты, опрошенные в Республике Татарстан, доступность медицинской помощи не считают для себя самой значимой проблемой. Только 1% опрошенных столкнулись с трудностями при прохождении медицинского освидетельствования для получения разрешения на работу. В иерархии важных проблем «дорогое медицинское обслуживание» на

6 месте. Такой ответ дали 11% респондентов, их меньше, чем тех, кто озабочен жилищным вопросом, низкой заработной платой и материальными проблемами, сложностью трудоустройства, непониманием и неуважением со стороны принимающего общества, сложностью регистрации и получения гражданства.

Республика Татарстан: внедрение новых подходов

В связи с возможностью возникновения опасности распространения инфекционных заболеваний в Татарстане приняли специальные решения, направленные на совершенствование медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства. Постановление кабинета Министров № 17 от 13.01.2012 года утвердило порядок взаимодействия исполнительных органов государственной власти республики, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Республике Татарстан» и государственных учреждений здравоохранения по вопросам осуществления медицинского освидетельствования иностранных граждан. Постановлением утверждён перечень государственных учреждений здравоохранения, уполномоченных проводить такие освидетельствования. Негосударственных медицинских организаций в этом перечне нет.

Одним из главных достижений этого документа является закрепление принципа «единого окна» при медицинском освидетельствовании мигрантов. Концепция медицинского освидетельствования в одном месте была разработана и утверждена

приказом Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 30.12.2010 года № 1681 «Об открытии отделения медицинского освидетельствования иностранных граждан по принципу «единого окна»». В 2011 году такой центр был создан на базе ГАУЗ «Республиканский клинический кожно-венерологический диспансер». В «едином окне» мигрант проходит полное обследование у всех врачей-специалистов (дерматовенеролога, нарколога, фтизиатра, рентгенолога), необходимые лабораторные исследования (ВИЧ-инфекция, сифилис, хламидийная лимфогранулёма, тестирование на наркотические вещества), флюорографическое обследование и в течение 24 часов получает заключение о состоянии здоровья. Все специалисты центра прошли специальную подготовку на тренингах, учитывающих особенности работы с мигрантами. В центре успешно решают языковые вопросы: здесь работают сотрудники, свободно владеющие языками основных групп мигрантов. Улучшилась доступность медицинской помощи для мигрантов. Принцип «единого окна» позволил ускорить проведение медицинского освидетельствования иностранных граждан для получения вида на жительство, разрешения на работу, проводить своевременное лечение больных инфекционными заболеваниями, противоэпидемическую работу (розыск контактных лиц, источника заражения) по принципу «24 часа».

Казалось бы, всё в пользу иностранного работника. Однако оценки неоднозначные. Материалы интервью с активистами национальных диаспор показывают, что «недобровольность» мигранты чувствуют даже в тех случаях, когда государственные меры

должны облегчить для них медицинские мероприятия. *«Но вот я могу только одну вещь сказать, – говорит один из активистов армянской диаспоры, – это, пожалуйста, примите к сведению, здесь так устроено, что только в одном месте они все проходят эти медицинские осмотры, обследования... Но это тоже неправильно, потому что это называется монополия на коррупцию. Надо создавать условия, чтобы они были в конкуренции, чтобы и цены падали, и не было таких очередей... Поэтому это неправильно».*

Важным решением в формировании новых подходов к регулированию миграционных процессов в республике в целях обеспечения безопасности и здоровья населения является поручение Министерству информатизации и связи Республики Татарстан и другим органам исполнительной власти разработать и внедрить информационную систему «Система мониторинга медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства».

Проекты, направленные на решение проблемы здоровья мигрантов, реализуются в республике и некоммерческими организациями. Благотворительный фонд «Новый век» выполняет проект «Профилактика социально-негативных явлений, расширение доступа к медико-социальным услугам трудовых мигрантов и связанных с ними групп». В результате проекта, как считают его участники, повысилась мотивация трудовых мигрантов и членов их семей к формированию навыков здорового образа жизни, профилактики социально-значимых заболеваний. Повысился уровень знаний мигрантов о способах заражения ИППП, ВИЧ-инфекцией, мерах профилактики. Так, если до проекта около 16% мигрантов

были осведомлены о путях передачи ИППП, ВИЧ-инфекции и мерах профилактики, то к концу проекта показатель изменился до 47%. 65% мигрантов отмечают, что при половых связях будут применять средства защиты. Повысилась ответственность мигрантов за сохранение и поддержание своего здоровья. Руководитель проекта Л.А. Таишева в интервью отметила, что выполнение проекта привело к улучшению взаимодействия между медицинскими учреждениями, органами МВД, структурами Роспотребнадзора, УФМС, землячествами.

Несмотря на то, что подобные инициативы не могут охватить даже половины мигрантов, они предоставляют модель, которая может в дальнейшем использоваться другими организациями. Вместе с тем, очевидно, что в Татарстане, как и в других регионах, не хватает единства и координации действий общественных организаций, региональных и муниципальных властей, УФМС, работодателей в решении проблем, связанных с обеспечением доступности медицинского обслуживания для легальных и нелегальных мигрантов. Важным аспектом обеспечения доступности медицинской помощи в современных условиях должно стать непрерывное взаимодействие с населением, учёт их потребностей и проблем, и мигранты представляют собой важную его часть.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что распространяемая СМИ информация об угрозах для общественного здоровья и системы здравоохранения России со стороны трудовых мигрантов, не доказана, по крайней мере, в отношении регионов России. Уровень заболеваемости мигрантов некоторыми опасными

болезнями выше, но особой угрозы для общественного здоровья региона представлять не может. Здоровье мигрантов, являясь неотъемлемой частью их человеческого капитала, способствует эффективному росту экономики. Трудовые мигранты в российской системе здравоохранения оказываются уязвимой социальной группой, поскольку не очерчены в должной мере их права, и они часто оказываются в позиции недобровольных клиентов, что проявляется в ограничении их возможностей в доступе к бесплатной медицинской помощи, узким спектром клиник и частных врачей, «специализирующихся» на трудовых мигрантах. Поэтому выработка оптимальных моделей медицинского освидетельствования и медицинского обслуживания мигрантов выступает как важная социально-экономическая и гуманитарная проблема.

Список использованных источников

1. Башарова С. Мигрантов перестали тестировать на наркотики и алкоголь / С. Башарова, Н. Корчмарек // Известия. – 2013. – 27 авг.
2. Валиева А. З. Медицинские аспекты внешней миграции на примере Республики Татарстан / А. З. Валиева // Казанский медицинский журнал. – 2013. – № 3. – С. 373–376.
3. Госдума обяжет гастарбайтеров получать медполис до въезда в Россию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/medicine/1596391.html/>, свободный.
4. Грицюк М. Кто вылечит гостя? / М. Грицюк // Российская газета. – 2013. – 27 сент. – С. 4.

5. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, связанных с особенностями осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами» и на проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении требований к договору (полису) медицинского страхования и договору с медицинской организацией на получение первичной медико-санитарной помощи и специализированной медицинской помощи (за исключением высокотехнологичной медицинской помощи) иностранным гражданином или лицом без гражданства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/about/structure/depreulatinginfluence/doc20130718_05, свободный.

6. Здоровье мигрантов. Доклад Секретариата Всемирной организации здравоохранения. 7 апреля 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/A61/A61_12-ru.pdf/, свободный.

7. Здоровье трудовых мигрантов: инф. бюллетень. – Москва: Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения, 2012. – Сентябрь. – 19 с.

8. Кислицына О. А. Различия в состоянии здоровья мигрантов и коренного населения в России и других странах европейского региона [Электронный ресурс] / О. А. Кислицына // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. – Режим доступа:

<http://vestnik.mednet.ru/content/view/478/30/lang,ru/>, свободный.

9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://президент.рф/acts/15635>, свободный.

10. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.protown.ru/information/doc/4291.html>, свободный.

11. Кузнецова И. Б. Здоровье мигрантов как социальная проблема / И. Б. Кузнецова, Л. М. Мухарямова, Г. Г. Вафина // Казанский медицинский журнал. – 2013. – № 3. – С. 367–372.

12. Кузьмич О. С. Состояние здоровья населения России / О. С. Кузьмич // Вестник Российского мониторинга экономического положения ВЗ8 и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) : сб. науч. ст. [Электронный ресурс] / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текстовые дан. (512 Мб). – Москва: Высш. шк. экономики, 2012. – Вып. 2. – С. 170–211. – 1 Электрон. опт. диск (CD-R).

13. Минздрав поддержал визы для гастарбайтеров: мигранты угрожают здоровью россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/27may2013/visa.html>, свободный.

14. Носкова А. В. Когда заканчивается толерантность и начинается мигрантофобия [Электронный ресурс] / А. В. Носкова // Демографические исследования. – 2011. – № 11. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1860

15. Организация медицинского освидетельствования иностранных граждан, лиц без гражданства, получающих вид на жительство или временное проживание, или разрешение на работу

(трудовых мигрантов) на территории Российской Федерации: метод. рекомендации. – Москва: НИИ медицины труда РАМН, 2012. – 14 с.

16. Право мигрантов на здоровье. Объединённая программа Организации Объединённых Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unaids.org/en/media/unaids/contentassets/dataimport/publications/irc-pub07/jc1196_migrants_right_to_health_ru.pdf/, свободный.

17. Тюрюканова Е. В. Миграция и гендер / Е. В. Тюрюканова // Трудовая миграция в России: медико-социальные и гендерные аспекты: материалы междунар. конф., 26–27 окт. 2011 г. – Москва: Бюро международной организации по миграции (Бюро МОМ) в Москве, 2012. – С. 43–58.

18. Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>, свободный.

19. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И. Г. Ясавеев. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. – 200 с.

20. Cuadra C. B. Right of access to health care for undocumented migrants in EU: a comparative study of national policies / C. B. Cuadra // The European Journal of Public Health. – 2012. – Vol. 22, N 2. – P. 267–271.

21. Hansen E. Health issues of migrant and seasonal farmworkers / E. Hansen, M. Donohoe // Journal of Health care for the Poor and Underserved. – 2003. – Vol. 14, N 2. – P. 153–164.

22. Health Care for Undocumented migrants in the EU: Concepts and Cases. International Organization for Migration, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.migrant-health-europe.org/files/Health Care for Undocumented Migrants_Background Paper \(6\).pdf](http://www.migrant-health-europe.org/files/Health_Care_for_Undocumented_Migrants_Background_Paper_(6).pdf), свободный.

23. Health-care access for migrants in Europe / C. O'Donnell [et al.] // *Lancet*. – 2013. – Vol. 382, N 9890. – P. 393.

24. Health risk or resource? Gradual and independent association between self-rated health and mortality persists over 30 years / M. Bopp [et al.] // *PloS One*. – 2012. – Vol. 7, issue 2. – P. e30795.

25. Lassetter J. H. The Impact of Migration on the Health of Voluntary Migrants in Western Societies A Review of the Literature / J. H. Lassetter, L. C. Callister // *Journal of Transcultural Nursing*. – 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 93–104.

26. Migration and health in an increasingly diverse Europe / B. Rechel [et al.] // *Lancet*. – 2013. – Vol. 381, N 9873. – P. 1235–1245.

27. Nielsen S. S. Poorer self-perceived health among migrants and ethnic minorities versus the majority population in Europe: a systematic review / S. S. Nielsen, A. Krasnik // *International journal of public health*. – 2010. – Vol. 55, N 5. – P. 357–371.

28. Rechel B. Monitoring migrant health in Europe: A narrative review of data collection practices / B. Rechel, P. Mladovsky, W. Devillé // *Health policy*. – 2012. – Vol. 105, N 1. – P. 10–16.

29. The mental health of migrants / B. E. Gavin [et al.] // *Instructions for Authors*. – 2013. – Vol. 106, N 5.

6. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СМИ ТАТАРСТАНА

В данной главе мы остановимся на вопросах, каким образом подготовка в проведении спортивного мега-события – международных летних студенческих игр Универсиада-2013² в Казани повлияла на репрезентацию в СМИ трудовых мигрантов, как текущая политика республиканских и городских властей в отношении миграции проявила себя в период масштабного использования зарубежной рабочей силы.

Масштабные стройки Универсиады, включающей в себя 29 новых объектов, в том числе стадион «Казань-Арена» на 45 тысяч мест, потребовали вливания огромных финансовых и человеческих ресурсов. Немалую долю среди строителей и разнорабочих составили приезжие как из различных регионов России, так из Ближнего Зарубежья. Отсутствуют данные о точном количестве трудовых мигрантов из стран Ближнего Зарубежья среди рабочих объектов Универсиады, однако если учитывать, что в Казани по состоянию на май 2013 года находилось 67 тыс. иностранцев и лиц без гражданства,

² XXVII Всемирная летняя Универсиада в Казани явилась первой Универсиадой и первым мульти-спортивным мероприятием в истории современной России. На Универсиаде в Казани участвовали 11 778 чел. из 160 стран. Были представлены 27 видов спорта и разыгран 351 комплект медалей. Универсиада стала своего рода новым символом, с помощью которого власти утверждают статус города Казани как мировой спортивной арены, мегаполиса международного уровня. Слоганом Универсиады 2013 выступает фраза «U are the world», что позволяет трактовать девиз в двух значениях «Ты – это мир», а также «Универсиада – это целый мир».

а более 80% приезжих трудятся на стройках [15], речь может идти о нескольких тысячах или даже десятках тысяч рабочих.

Как показали результаты опроса, проведённого Центром культурных исследований постсоциализма ИСИМО с участием автора в апреле 2013 года, жители Казани широко осведомлены о том, что многие объекты Универсиады строятся при участии трудовых иммигрантов. Так, на вопрос «В какой степени Вы согласны с тем, что трудовые иммигранты оказали важную роль в строительстве объектов Универсиады?» утвердительно ответили 46% опрошенных и 24,2% ответили «скорее, согласен». Данное мнение может быть как результатом повседневных случайных наблюдений горожан, так и может быть сформировано под воздействием частных упоминаний о трудовых мигрантов в сообщениях СМИ, касающихся Универсиады.

Отмечая разнородность классификаций, определяющих критерии отнесения тех или иных людей к мигрантам, Сергей Абашин предлагает ввести иной термин – мигрантскость: «предметом исследования должны стать, следовательно, повседневные практики мигрантов, объектом – их локальные сообщества, полем – транснациональное пространство» [1: 9]. К данному пониманию хотелось бы добавить важность включения в предмет исследования отношение окружающего пространства – социальных групп, властей, медиа и пр., влияющих на процессы самоидентификации и проблематизацию тех или иных сторон жизни людей, приехавших из других стран. В этой связи СМИ выступают важными агентами,

формирующими поле мнений вокруг иммигрантов и проецирующими позицию властей.

Проблема дискриминации иммигрантов встречается не первый раз в процессе организации спортивных мега-событий. Так, например, известно о случаях дискриминации трудовых иммигрантов из стран Латинской Америки при подготовке Олимпийских игр 2010 года в Ванкувере – так, суд Британской Колумбии Канады признал неблагоприятными условия труда и обращения с рабочими из Латинской Америки по сравнению с канадскими и европейскими рабочими [34].

Дискриминационные практики российских и региональных медиа в отношении иммигрантов выступали объектом исследований с конца 1990-х – начала 2000 годов. Одним из первых проектов выступал мониторинг «Язык вражды», осуществляемый информационно-аналитическим центром "СОВА" под руководством А. Верховского [6, 7, 8, 16]. Мониторинг показал большое количество дискриминационных материалов в российской и региональной прессе, касающихся этнических меньшинств и мигрантов.

В. Шнерельман пишет, что «если в середине второй половины 1990-х годов главным врагом России рисовались «чеченцы», то в начале 2000-х годов, после объявления новой войны «антитеррористической операцией», СМИ занялись активной культивацией негативного образа мигрантов» [31: 117].

Толкачева А. на анализе Санкт-Петербургской прессы 2000-2008 годов показывает, что с 2008 года в репрезентации «за мигрантом всё же сохраняется некое небезопасное качество, правда

только в том случае, если мигрант является нелегальным. Тем самым, переводя нелегальных мигрантов в категорию преступников, власти по-прежнему, но уже в значительно меньшем объёме создают потенциал для негативного образа мигранта» [28: 49].

В.Н. Титов указывает на то, что при повествовании об отдельных людях авторы наделяют их индивидуальными чертами, при описании мигрантов как социального сообщества они используют стереотипные характеристики, объединённые в два тематических блока: мигранты и неформальная экономика, и мигранты и криминал [27].

М.Ю. Калыгина, сравнивая метафорическую репрезентацию миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США, выявила, что криминальные метафоры составляют 5% в частотности концептуальных метафор со сферой-магнитом «миграция» в политическом дискурсе России, 9% – в Великобритании и 4% – в США [12: 110]. Наиболее распространёнными метафорами в России, Великобритании и США, по утверждению автора, выступают метафоры понятийной сферы «стихия», выражающее отношение к миграции как носящей «стихийный, беспорядочный, непредсказуемый характер» и при этом обладающей «массивностью и разрушительной силой».

По мнению Г.Ф. Габдрахмановой тема трудовой миграции актуализируются в татарстанской печати с 2003 года. В прессе обсуждается социально-экономическое значение этого явления для бюджета республики, возникают проблемы связи криминала и мигрантов. Именно в этот период в прессе возникает вопрос «Нужны

ли мигранты России?». Мигранты рассматриваются как категории людей, нуждающиеся в социальной защите, критикуется миграционное законодательство [9, 10]. В исследовании отношений милиции и мигрантов В. Воронкова, Л. Сагитова и др. в Казани было выявлено, в частности, что мигранты в местных медиа «не воспринимаются равностатусными с «местными» гражданами» [14].

Итак, рассмотрим преобладающие дискурсы участия мигрантов в строительстве объектов Универсиады в масс-медиа Татарстане с января 2009 по май 2013 года.

«Мигранты – не лучшие люди» – так называется одна из рубрик статьи «Тунеядству бой – мигрантов домой», опубликованной на сайте одного из ведущих информационных агентств Интертат и посвящённому заседанию коллегии Министерства труда, занятости и соцзащиты Республики Татарстан, прошедшей 30 января 2013 г. в Казани [3]. Журналист фактически процитировал слова председателя Государственного Совета Республики Татарстан Ф. Мухаметшина, высказавшего опасения относительно трудоустройства трудовых иммигрантов после окончания строительства объектов Универсиады, многие из которых не имеют квалификации: *«После Универсиады нам придётся думать, как занять людей, высвободившихся из этого процесса – десятки тысяч строителей, не говоря уже о мигрантах. Честно говоря, не лучшие люди приезжают к нам за работой. Не могут устроиться по специальности, потом каким-то образом оседают в республике... Часть идёт на рынок продавать кишмиш, апельсины и так далее»*. Вместе с тем, категория «не лучшие» подразумевала и возможную связь иммигрантов с наркотрафиком и

т.н. «религиозным фанатизмом»: «Кроме того, мы вынуждены признать, что вместе с трудовыми мигрантами к нам прибывает наркота, религиозный фанатизм» [3].

Как не лучшие люди представляются и выходцы из Азербайджана, совершившие кражу металла со строящегося объекта Универсиады в Казани [11, 22]. Причём в одной из публикаций указывалось, что кражи на стадионе случаются часто [5]. Тем не менее, информационным поводом для СМИ стал факт хищения со стороны иммигрантов.

Отождествление притока рабочей силы из-за рубежа, связанной со строительством объектов Универсиады, с дестабилизацией социальной обстановки происходило и за два года до соревнований. Так, например, Н. Сухоруковой в статье «Интеграция в миграцию» пишет: «Социально-экономический прогресс Казани привлекает в город толпы приезжих, в том числе нелегалов». «Восприятие количества мигрантов у местного населения завышено, и "вычищать" Казань от них к Универсиаде не придётся», – об этом на пресс-конференции в МВД РТ заявил заместитель начальника Управления федеральной миграционной службы по РТ Вадим Воронин. «Тем не менее, на днях правоохранительные органы провели рейды по рынкам», – так сообщил другой участник мероприятия, заместитель начальника ОРЧ № 6 МВД РТ Сергей Прокофьев, с этого момента в рамках подготовки к Универсиаде "резервации" нелегалов попадают под жёсткий контроль» [26]. Иммигранты в данной статье связываются с криминалом за счёт употребления следующих терминов «Южный Централ», «вычищать», «резервация»,

«нелегалы», «попрошайничество», «бродяжничество». Сам стиль речи и коммуникации иммигрантов репрезентируется автором публикации как враждебный: *«Вдруг благостную тишину нарушает громкая и резкая иностранная речь – с яростным придыханием, характерным для языков Средней Азии. Драка? Скандал? Но нет, это обычный разговор нескольких жителей знойного Таджикистана (хотя, возможно, не менее знойного Узбекистана либо даже Афганистана), пытающихся поймать такси, но с присущим им темпераментом»* [26].

В статье делается упоминание статистики МВД, свидетельствующей о том, что иммигрантами совершается не большая доля преступлений по сравнению с объёмом преступлений, приходящихся на граждан РФ, однако сразу же после этих данных следует черёд негативной стигматизации.

Попрошайничество связывается исключительно с женщинами-иммигрантками: «волоокая чернявая мамаша», «женщина южной наружности». Факт участия иммигрантов в строительстве объектов Универсиады оценивается только негативно. Более того, организация проведения в Казани последующих спортивных мега-событий и возможное привлечение иностранных рабочих вызывает у автора статьи недовольство: «Судя по темпам положительного влияния семей мигрантов на демографическую ситуацию, гости решили у нас остаться всерьёз и надолго. Тем более руководство республики призывает руководство Казани не останавливаться на Универсиаде, дерзать и осваивать новые, масштабные проекты...»

«Универсиада в Казани привлекает подрывников»

В медиа-дискурсе, касающемся подготовки к Универсиаде в Казани, отчётливо различима тематика общественной безопасности. Риски общественной безопасности рассматриваются с точки зрения возможных массовых беспорядков, терактов, а также стихийных угроз со стороны иммигрантов, причём как т.н. «нелегальных», так и официально трудоустроенных трудовых мигрантов. В этот период будут задействованы более 20 тысяч сотрудников полиции и военнослужащих внутренних войск РФ. Миграционная служба регулярно публикует данные рейдов по выявлению незаконных мигрантов и составлению протоколов по нарушению правил въезда в РФ либо режима пребывания в РФ.

Проблема угрозы безопасности городу во время проведения Универсиады нередко подавалась СМИ через призму распространения исламских радикальных течений в РТ, в том числе «завезённых» иммигрантами из Средней Азии. Так, все местные информационные агентства обошло сообщение о том, что на одном из объектов Универсиады работали иммигранты, замеченные в приверженности «радикальных течений ислама»: «Рейд был проведен на основе оперативной информации о том, что в возводимом на улице Чернышевского отеле регулярно собираются сторонники радикальных течений ислама. Задержанных проверяют на причастность к экстремизму» [2, 18]. После появления данной информации город так и не узнал, были ли причастны к экстремизму задержанные иммигранты или нет. Само понятие «радикальные течение ислама» не истолковывается СМИ, что позволяет читателю

наделять его негативными характеристиками, хотя в действительности нередко по незнанию журналисты наделяют данным термином течения ислама, предполагающие более строгое следование нормам религии в повседневности – а именно, пятиразовую молитву, омовения и пр.

В материале Г. Постнова «Универсиада в Казани привлекает подрывников» говорится о ликвидированном спецслужбами выходец из Узбекистана, чья причастность к террористической деятельности была доказана. При этом в статье неоднократно указывается на его иностранное происхождение, и делается предположение об угрозе распространения терроризма в Казани ввиду приближающейся Универсиады [21]. Подобная обеспокоенность была выражена и мэром Казани Ильсуром Метшиным, который отметил, что «Казань не готова платить за рабочую силу религиозной радикализацией», "нужно смотреть, какие страны создают нам наибольшие проблемы <...> и если речь идёт об исламском радикализме, то такой ценой мы не готовы платить за трудовую силу" [19]. Несмотря на то, что градоначальник указал, что ответственность за радикализм мигрантов отвечают работодатели, первоначальное утверждение проводило прямую параллель между ростом рабочей силы из-за рубежа и религиозной радикализацией.

Подобная позиция может быть легко подхвачена и казанцами. Так, отвечая на вопрос «Назовите, пожалуйста, чем именно Вы недовольны в связи с подготовкой города к Универсиаде?», 8,7% опрошенных указали на мигрантов, 2,1% опасаются угрозы терактов. В ответе на вопрос «Что больше всего Вам не нравится в Казани»

7,5% респондентов отметили, что больше всего в Казани им не нравятся мигранты.

«Строительная компания, которая привлекла незаконных мигрантов, может быть оштрафована?» В материалах, повествующих о задержании иммигрантов, вовлечённых в «радикальные течения ислама», указывается, что 57 человек задержанных работали без разрешения на работу и патента. Иммигранты были представлены как нарушители законодательства, которые должны быть «отправлены в срочном порядке домой». Вина работодателя признаётся лишь в конце материала с указанием того, что возможно компания будет оштрафована на сумму 32 миллиона рублей [2]. В татарстанских медиа практически не встречаются материалы, указывающие на количество нарушений трудового законодательства, касающихся «серого» рынка труда граждан России, работающих без оформления трудового договора. Не поднимается вопрос о том, что сами иммигранты зачастую оказываются в бесправном положении, работая без договора, за низкую заработную плату, в плохих санитарных условиях, без медицинских страховок [17].

Елена Трубина, анализируя возможное влияние мега-событий на города России, использует знаменитую метафору Харви Молоча и Джона Логана «машины роста» – это «коалиция элит, нацеленная на извлечение прибыли из городской земли и всего, что на ней возведено. И вопреки оптимистической риторике власти, стратегия, основанная на осуществлении масштабных строительных проектов (в том числе связанных с мегасобытиями)... далеко не всегда

оборачиваются новыми рабочими местами и адекватной социальной политикой» [29]. Эксплуатация рабочих-иммигрантов вполне следует логике капиталистической «машины роста», стремящейся максимизировать прибыль за счёт минимизации заработной платы рабочих, безмерному увеличению продолжительности рабочего дня и пр.

Позитивный имидж иммигранта как человека, приехавшего на заработки, выполняющего работу, от которой отказывается местное население, высказывается в основном представителями Управления федеральной миграционной службы либо организациями, оказывающими помощь иммигрантам. В интервью газете «Казанские ведомости» Президент Фонда содействия трудовым мигрантам в РТ Закир Сариев указывает, что «причиной роста потока мигрантов, скорее всего, стали строительные работы на объектах Универсиады-2013, а также для многих близость татарского народа по религии, языку, традициям. (...) В Россию, в частности в Татарстан, едут потому, что страна в целом и тем более республика находятся на подъёме, здесь есть работа, а рабочих рук не хватает: всё ещё сказывается демографический кризис» [20]. Начальник отдела иммиграционного контроля УФМС РФ по РТ Айрат Каримов в интервью газете «Аргументы и факты» также говоря о том, что Татарстан выступает привлекательным регионом для мигрантов благодаря масштабному строительству, в том числе объектов Универсиады, отдельно указывает на то, что мигранты являются бывшими соотечественниками: «И все они – наши люди, бывшие

соотечественники. (...) У нас разные судьбы, разный менталитет, но общая история» [25].

Несмотря на объективное содержание вышеназванных публикаций, их названия направлены на подчёркивание потенциального несоблюдения законов мигрантами, а заголовок интервью с представителем УФМС и вовсе провоцирует представление об иммигранте как о криминале, от которого невозможно избавиться – «Нелегалов без документов нельзя даже депортировать».

Другим примером позитивного отношения к мигрантам при строительстве объектов Универсиады выступает статья, посвящённая пятому заседанию по вопросам противодействия незаконной миграции с участием директора Федеральной миграционной службы (ФМС) России генерала-полковника милиции Константина Ромодановского 14-15 мая 2009 года. Статья начинается со слов «Мигранты нам помогут при подготовке к Универсиаде», в ней приводятся данные о количестве необходимых рабочих мест, которые не могут быть заполнены гражданами РФ, указывается на полный контроль за миграционными процессами [4]. Однако данный материал, опубликованный в журнале «Наш дом – Татарстан», выпускаемом Домом дружбы народов, не был воспроизведён другими СМИ Татарстана и таким образом, оказался замкнутым в информационном поле, ориентированном на этнические диаспоры республики и органы власти.

Попытаемся разобраться в причинах столь антииммигрантской риторики первой половины 2013 года в Татарстане. Определённым

толчком послужило расследование преступления по факту убийства 8-летней девочки уроженцем Узбекистана в Набережных Челнах. Это дело вызвало огромный резонанс в республике – девочку искали множество волонтеров, после поимки преступников были организованы серии пикетов против нелегальных мигрантов в Казани и ряде других городов. Участники пикетов требовали отмены безвизового въезда граждан Средней Азии. Президент Татарстана Рустам Минниханов на специальном совещании с представителями правоохранительных органов, органов прокуратуры Республики Татарстан и Управления Федеральной миграционной службы РФ по РТ 7 февраля 2013 года указал на необходимость проработки законодательной инициативы Татарстана в Госдуму РФ по вопросу ужесточения миграционной политики.

Отсутствие ясного проекта о месте нерусских народов в российской этнической политике с 1992 года [30], обсуждение иммиграционной политики преимущественно в терминах идентичности и безопасности [32] – подобные тенденции федеральной этнической и миграционной политики присутствуют и в Татарстане.

Как показывает анализ татарстанской прессы за 2008-2013 годы, «мир» Универсиады не является универсальным, и дискурс данного мега-события вольно или невольно продолжает медиа-практики стигматизации иммигрантов, сложившиеся за несколько лет в нашей стране. И если в публикациях татарстанских СМИ, касающихся обсуждения таких «других», как, например, мусульманок, борющихся за право делать фото в платках на паспорт в 2003-2004 годах и

вызвавших большое количество иронических либо агрессивных публикаций в российских медиа, преобладал корректный правовой подход [33], то что касается трудовых мигрантов, региональные медиа следовали общероссийской тенденции. Это может быть объяснено, прежде всего, как транслированием позиции ужесточения миграционного контроля со стороны татарстанских властей, с одной стороны, так и стремлением СМИ использовать обеспокоенность горожан безопасностью для повышения собственных рейтингов, с другой.

Преобладающий характер репрезентации иммигрантов в контексте подготовки проведения Универсиады основывается на придании им статуса девиантных групп, обладающих характеристиками либо «нелегальных» мигрантов, либо последователей «радикальных течений ислама» и потенциальных террористов, либо расхитителей. Данный дискурс также отражает фиксацию соотнесения иммигрантов исключительно с УФМС и силовыми структурами, а также абсолютное отсутствие правозащитных и антидискриминационных практик в отношении иммигрантов в Казани.

Универсиада выступила одной из причин «легитимации» в публичном дискурсе о необходимости ужесточения иммиграционного контроля, и, более того, сама логика подготовки к данному мега-событию, диктуемому «машиной роста» городской экономики, изначально исключала внимание к тонким и сложным процессам, связанным с включением граждан стран Ближнего зарубежья в повседневность набирающей обороты «спортивной

столицы». Отсутствие содействия адаптации и интеграции мигрантов и недостаток формирования конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом может послужить фактором дальнейшего роста антимиграционных настроений в СМИ и среди населения.

Список использованных источников

1. Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм / С. Абашин // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 3-13. - С. 9.

2. Алимов Т. Мигрантов со стройки Универсиады проверят на религиозный экстремизм [Электронный ресурс] / Т. Алимов // Российская газета. – 2013. – 25 фев. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/02/25/reg-pfo/migranti-anons.html>, свободный.

3. Беляева В. Тунеядству – бой, мигрантов – домой [Электронный ресурс] / В. Беляева // Intertat.ru. – 2013. – 31 янв. – Режим доступа: <http://www.intertat.ru/ru/obschestvo/item/10873-tuneyadstvu-boy-migrantov-domoy.html>, свободный.

4. Бикеева И. Трудящиеся мигранты, по порядку рассчитайсь! [Электронный ресурс] / И. Бикеева // Наш дом – Татарстан. – 2009. – Вып. 2 (005). – Режим доступа: <http://www.an-tat.ru/?id=1600&results=1>, свободный.

5. В Казани на главной стройке Универсиады "земляки из Азербайджана" украли 7,5 тонны металла // Информационное агентство Regnum. – 2013. – 15 фев. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1625682.html>, свободный.

6. Верховский А. М. Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / А. М. Верховский, Г. В. Кожевникова. – Stuttgart: Ibidem, 2005. – 246 с.

7. Габдрахманова Г. Толерантность к мигрантам в Татарстане: дискурс в СМИ и стереотипы населения г. Казани [Электронный ресурс] / Г. Габдрахманова, Р. Мусина, Е. Шумилова // Центр миграционных исследований. – Режим доступа: <http://www.migrocenter.ru/science/science019_4.php>, свободный.

8. Габдрахманова Г. Ф. Мы – они: отношение к мигрантам в Республике Татарстан / Г. Ф. Габдрахманова // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 66–75.

9. За кражу металла со строящегося объекта Универсиады в Казани судят уроженцев Азербайджана [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Татар-информ». – 2013. – 13 фев. – Режим доступа: <http://www.tatar-inform.ru/news/2013/02/13/348742/>, свободный.

10. Калыгина М. Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США / М. Ю. Калыгина // Политическая лингвистика. – 2009. – № 3(29). – С. 109–113.

11. Катаргин Д. Пришельцы в Казани: город в городе / Д. Катаргин, В. Мысько [Электронный ресурс] // Бизнес-Online. – 2013. – 6 мая. – Режим доступа: www.business-gazeta.ru/article/79716/, свободный.

12. Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы

2007–2008 годов / Г. Кожевникова. – Москва : Центр «Сова», 2008. – 136 с.

13. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба. Официальный сайт ФМС России. – Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/about/konsep_mig_pol/, свободный.

14. Кузнецова И. Б. Здоровье мигрантов как социальная проблема / И. Б. Кузнецова, М. Л. Мухарямова, Г. Г. Вафина // Казанский медицинский журнал. – 2013. – Т. 94, № 3. – С. 367–372.

15. Мигранты, работающие на строительстве отеля для гостей Универсиады в Казани, подозреваются в религиозном экстремизме [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2013. – 25 фев. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=50137>, свободный.

16. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред.: В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 638 с.

17. Мэр Казани считает, что за радикализм мигрантов отвечают работодатели [Электронный ресурс] // Информационное агентство Regnum. – 2013. – 6 мая. – Режим доступа: <http://xn--c1adwdmv.xn--p1ai/news/fd-volga/tatarstan/1655986.html>, свободный.

18. Николаев В. Соблюдать закон выгодно мигранту [Электронный ресурс] / В. Николаев // Казанские ведомости. – 2012. – № 111. – Режим доступа: <http://www.kazved.ru/article/40633.aspx>, свободный.

19. Плотникова А. На Универсиаде наживаются все, кому не лень, или приключения казанского Пинкертона [Электронный ресурс] / А. Плотникова // Вечерняя Казань. – 2013. – 13 фев. – Режим доступа: <http://www.evening-kazan.ru/articles/na-universiade-nazhivayutsya-vse-komu-ne-len-ili-priklyucheniya-kazanskogo-pinkertona.html>, свободный.

20. Постнов Г. Универсиада в Казани привлекает подрывников [Электронный ресурс] / Г. Постнов // Независимая газета. – 2012. – 18 янв. – Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2012-01-18/1_universiada.html, свободный.

21. Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России / П. Ратленд // ПОЛИС. – 2011. – № 2. – С. 172–189.

22. Сагитова Л. В. Дом дружбы народов как объект и субъект социального реформирования: от советской модели к глобализационной / Л. В. Сагитова // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9, № 4. – С. 495–512.

23. Сидорова Т. Нелегалов без документов нельзя даже депортировать [Электронный ресурс] / Т. Сидорова // Аргументы и факты. – 2012. – 8 янв. – Режим доступа: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/85134>, свободный.

24. Собянин: мигранты должны уехать домой [Электронный ресурс] // Дни.Ру. – 2013. – 30 мая. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/society/2013/5/30/253597.html>, свободный.

25. Сухорукова Н. Интеграция в миграцию. Социально-экономический прогресс Казани привлекает в город толпы приезжих,

в том числе нелегалов [Электронный ресурс] / Н. Сухорукова // Время и деньги. – 2010. – 28 окт. – Режим доступа:

<http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-35269.htm>, свободный.

26. Титов В. Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) / В. Н. Титов // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С. 41–50.

27. Толкачева А. Проект “Россия”: конструирование образов нации и другого в Санкт-Петербургской прессе в 2004-2008 годах / А. Толкачева // Медиаобразы в пространстве коммуникаций / под ред. А. Чернова. – Череповец : Изд-во ЧГУ, 2010. – С. 39-50.

28. Трубина Е. Полис и мега-события [Электронный ресурс] / Е. Трубина // Отечественные записки. – 2012. – № 3 (48). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/polis-i-megasobytiya>, свободный.

29. Шнирельман В. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия / В. Шнирельман // Язык вражды против общества: сб. ст. / сост. А. Верховский. – Москва: Центр «Сова», 2007. – С. 107 – 149.

30. Язык вражды против общества: сб. ст. / сост. А. М. Верховский. – Москва: Центр «Сова», 2007. – 259 с.

31. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. – Москва: Центр «Панорама», 2002. – 200 с.

32. Alexseev M. A. Societal security, the security dilemma, and extreme anti-migrant hostility in Russia / M. A. Alexseev // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 38, N 4. – P. 509–523.

33. Kuznetsova-Morenko I. Others or Ours: Muslims in the Public Space of Russia / I. Kuznetsova-Morenko / I. Kuznetsova-Morenko // Narrating Islam. Interpretations of the Muslim World in European Texts / eds.: G. Jonker, Sh. Thobani. – London : I. B. Tauris, 2010. – P. 156-174.

34. Shantz J. Discrimination Against Latin American Workers During Pre-Olympic Games Construction in Vancouver / J. Shantz // Employee Responsibilities and Rights Journal. – 2011. – Vol. 23, N 1. – P. 75–80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно проведённому исследованию как минимум четверть трудовых мигрантов могут быть отнесены к категории риска – группы наиболее уязвимой с точки зрения дискриминации со стороны работодателя и полиции, с одной стороны, и выступающей наиболее сложной с точки зрения социальной интеграции и требующей внимания, с другой. Эта группа, чей доход в два раза ниже среднего по республике, проживающие в комнатах по 5 и более человек, не имеющие официального договора с работодателем, плохо владеющие русским языком.

Практически все трудовые мигранты сталкиваются с проблемой медицинского обслуживания, поскольку не очерчены в должной мере их права, и они часто оказываются в позиции недобровольных клиентов, что проявляется в ограничении их возможностей в доступе к бесплатной медицинской помощи, узким спектром клиник и частных врачей, «специализирующихся» на трудовых мигрантах. Поэтому выработка оптимальных моделей медицинского освидетельствования и медицинского обслуживания мигрантов выступает как важная социально-экономическая и гуманитарная проблема.

Профессиональная дополнительная подготовка и переподготовка могли бы явиться важной частью социальной интеграции мигрантов. Однако пока есть спрос на неквалифицированную рабочую силу на «сером» рынке труда, и работодателям удобнее использовать неформальные практики,

государство теряет не только налоги, но и символический капитал мигрантов, большинство из которых заинтересованы в стабильной работе и способны к профессиональному росту.

В республике, частью «бренда» которой долгое время выступало мирное сосуществование представителей различных религий и этносов, политическая элита не в полной мере справляется с вызовами, связанными с возрастающим разнообразием, вызванной притоком мигрантов. Иммиграционная политика формулируется прежде всего в терминах этнической идентичности и безопасности. Государственные органы республики не решают социальных проблем, с которыми сталкиваются мигранты. Ассамблея народов Татарстана возложила на себя решение многих вопросов, но ни по количеству её сотрудников, ни по институционально-территориальным аспектам не может быть ответственна за весь комплекс мер по задаче, указанной в Концепции как «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом». Выбор иной, толерантной, риторики руководством РТ вызвало бы необходимость внедрения новых практик по включению мигрантов в принимающие сообщества, и последующее за этим решение их социальных проблем со всеми связанными расходами, а также надобность разъяснения населению гражданских прав и свобод иностранных граждан.

Отсутствие социальной работы в отношении мигрантов, необходимой социальной помощи, а также должного контроля со стороны правоохранительных органов приводит к нарастанию

потенциала дезинтеграции мигрантов. Риски для социальной безопасности, возникающие при привлечении иностранной рабочей силы, исходят, на наш взгляд, прежде всего, от сложившихся практик неформальной экономики, приводящей к отсутствию во многих случаях официальных договоров с мигрантами, с незащищённостью охраны труда и здоровья, и как следствие – невозможность социальной полноценной интеграции и рост напряжённости и маргинализации среди трудовых мигрантов.

Кузнецова И.Б., Мухарямова Л. М.

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**



Фото на обложке: Константин Саломатин/Saltimages

Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл.печ.л. 10,25.

Тираж 300 экз. Заказ 763.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

ООО «АртПечатьСервис»

420061, г. Казань, ул. Космонавтов, 41-10.

Тел. 295-10-19

Тел./факс: 295-06-44

E-mail: arps@bk.ru